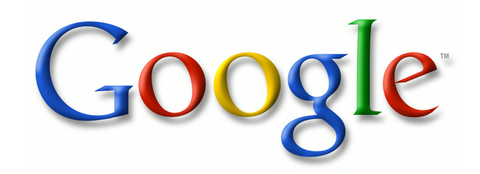
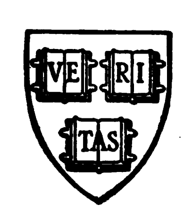

Google

VE RI
TAS

ВЕРХОВНИКИ И ШЛЯХЕТСТВО

1730-го ГОДА.

По поводу сочиненія Д. А. Корсакова: „ВОЦАРЕНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ".

Ордин. профессора Императорскаго Казанскаго Университета

Н. П. Загоскина.

КАЗАНЬ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.
1881.

По опредѣленію Юридическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета печатать дозволяется. Казань, 6 февраля 1881 года.

Деканъ *Н. Кремлевъ.*

Послѣдній историческій трудъ *Д. А. Корсакова*—„Воцареніе императрицы Анны Іоанновны"—имѣетъ своею задачею выясненіе одного изъ самыхъ видныхъ событій русской государственной жизни второй четверти XVIII-го столѣтія: попытки членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта ограничить въ 1730 году самодержавіе императрицы Анны Іоанновны.

Общая картина этой неудавшейся попытки была слѣдующая: въ ночь съ 18 на 19 января 1730 года скончался отрокъ-императоръ Петръ II; съ нимъ пресѣклось мужеское поколѣніе дома Петра I-го—и русскому государственному быту представилась необходимость видѣть на престолѣ одну изъ дочерей старшаго брата его, царя Іоанна Алексѣевича. Явленіе небывалое на Руси со временъ великой княгини Ольги: престолъ долженъ былъ достаться особѣ женскаго пола. Въ самую ночь кончины Петра II-го, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ количествѣ пяти человѣкъ, пригласивъ съ собою еще трехъ вельможъ, бывшихъ въ то время во дворцѣ—удалились въ особую комнату для обсужденія вопроса о томъ, кому занять осиротѣвшій престолъ русскій. Въ числѣ этихъ восьми особъ—видимъ мы четырехъ представителей рода князей Долгоруковыхъ (князей Алексѣя Григорьевича, Василія Лукича, Михаила Владиміровича и Василія Владиміровича), двухъ представителей рода князей Голицыныхъ (князей Дмитрія Михайловича и Михаила Михайловича), канцлера графа Гавр. Ив. Головкина и вице-канцлера барона Ан. Ив. Остермана. Первыя шесть лицъ пред-

ставляли собою квинтъ-эссенцію современной родовой знати, будучи потомками Долгорукихъ и Голицыныхъ, имѣвшихъ за собою блестящія традиціи въ Руси Московской, а Долгорукіе сверхъ того — потомками удѣльныхъ князей Рюрикова дома. Двое послѣднихъ лицъ—были люди выслуги, принадлежащіе къ числу тѣхъ случайныхъ людей, которые возвысились лишь со вступленіемъ русскаго государства на путь Петровскихъ реформъ, съ тѣмъ только различіемъ, что первый былъ изъ роду мелкихъ городовыхъ дворянъ Московской Руси, второй-же принадлежалъ къ сонму даровитыхъ нѣмцевъ—выходцевъ начала XVIII-го столѣтія. Таковъ былъ личный составъ случайнаго собранія сановниковъ, явившагося, какъ мѣтко и вѣрно выражается Д. А. Корсаковъ, какимъ-то „самозваннымъ учредительнымъ собраніемъ", рѣшающимъ судьбы русской императорской короны. Ясно, что весь центръ тяжести лежалъ въ этомъ собраніи въ шести князьяхъ Долгоруковыхъ и Голицыныхъ, непосредственныхъ потомкахъ родословныхъ бояръ, всегда игравшихъ видныя политическія роли въ Московской государственной жизни; это положеніе вполнѣ оправдывается дальнѣйшими событіями начала 1730 года. Въ результатѣ совѣщаній этихъ восьми лицъ—„верховниковъ", какъ принято называть ихъ въ литературѣ,—оказалось избраніе на русскій престолъ, по предложенію Д. М. Голицына, младшей дочери царя Іоанна, курляндской герцогини Анны, съ устраненіемъ старшей дочери его, Екатерины Мекленбургской. Покончивъ такимъ образомъ вопросъ объ избраніи императрицы, верховники стали разсуждать о томъ, какъ-бы „себѣ полегчить" и „воли себѣ прибавить". „Хоть и зачнемъ, да не удержимъ *этого*",—замѣтилъ князь В. Л. Долгорукой; „право удержимъ"—ободрялъ его князь Д. М. Голицынъ. Рѣшено было сочинить „пункты, чтобъ не быть самодержавію" и съ тремя депутатами отправить ихъ въ Митаву, къ вновь избранной государынѣ, вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о состоявшемся избраніи ея; депутаты должны были увѣрить императрицу, что предлагаемыя ей къ подписанію ограничительныя условія выражаютъ собою волю всего народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были энергическія мѣры къ тому, чтобы Анна Іоанновна не была заблаговременно предупреждена объ истинномъ положеніи вещей сторонниками самодержавія и, слѣдовательно, не отклонила „пунктовъ", обманомъ навязываемыхъ ей вер-

ховниками: кругомъ Москвы учреждены заставы и никто не долженъ былъ выѣзжать изъ столицы безъ вѣдома и разрѣшенія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Мѣры эти не достигли своей цѣли: Аннѣ Іоанновнѣ съумѣли дать знать о замыслахъ верховниковъ. Остановимся на самой сущности ограничительныхъ условій, предложенныхъ Аннѣ Іоанновнѣ. Въ силу этихъ условій, она обязывалась всегда „содержать“ верховный тайный совѣтъ изъ восьми особъ и безъ согласія послѣдняго: 1) ни съ кѣмъ не начинать войны; 2) не заключать мира; 3) не вводить новыхъ податей; 4) не жаловать въ чины выше полковника, какъ по военной, такъ и по штатской табели чиновъ, а войскамъ гвардіи и арміи быть подъ вѣдѣніемъ В. Т. Совѣта; 5) у шляхетства (дворянства) безъ суда „живота и имѣнія и чести не отымать“; 6) не жаловать вотчинъ и деревень; 7) въ придворные чины безъ совѣта В. Т. Совѣта не производить; 8) государственныхъ доходовъ въ расходъ не употреблять и 9) всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ содержать въ неотмѣнной милости.

Вникая въ содержаніе означенныхъ пунктовъ,—мы не можемъ не замѣтить въ нихъ стремленія верховниковъ высоко поставить значеніе В. Т. Совѣта и сдѣлать его учрежденіемъ замкнутымъ, доступъ въ которое былъ-бы доступенъ лишь для немногихъ избранныхъ (п. 4 и 7).

Посланнымъ отъ верховниковъ депутатамъ удалось заручиться подписью Анны Іоанновны на предложенныхъ ей условіяхъ—и дѣло верховниковъ повидимому торжествовало. Между тѣмъ шляхетству извѣстны стали замыслы верховниковъ и возбудили сильное неудовольствіе въ его средѣ; образовались партіи въ средѣ дворянства: одни предлагали напасть на верховниковъ и, перебивъ ихъ, уничтожить вмѣстѣ съ ними и ихъ замыслы; другіе же, болѣе умѣренные, желали лишь дать понять верховникамъ, что они не уполномочены самолично, немногимъ составомъ, передѣлывать государственное устройство. Въ виду возникшаго въ средѣ шляхетства движенія, В. Т. Совѣтъ счелъ себя вынужденнымъ идти съ нимъ на компромиссъ и разрѣшилъ представленіе въ Совѣтъ коллективныхъ проектовъ, мнѣній и заявленій шляхетства; такихъ проектовъ извѣстно въ наши дни двѣнадцать: эти проекты предлагаютъ реорганизацію существующаго государственнаго строя,—на гораздо болѣе умѣренныхъ впрочемъ началахъ, сравнительно съ планомъ верх

ховниковъ. Но верховники слишкомъ поздно спохватились въ томъ, что восьми лицамъ невозможно располагать судьбами обширнаго государства, да къ тому же невыдержанность и неумѣлость плана дѣйствій ихъ сильно дискредитировали дѣло ихъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Не смотря на выраженное ими согласіе на дальнѣйшія уступки шляхетству—25 февраля во дворцѣ собралось до 800 человѣкъ изъ сената, отъ генералитета и дворянства, прося императрицу созвать особую коммисію выборныхъ отъ дворянства, для обсужденія, какъ самыхъ ограничительныхъ пунктовъ, такъ и вопроса о реорганизаціи государственнаго строя. Хотя императрица, вопреки протесту верховниковъ, и подписала поданную ей челобитную, тѣмъ не менѣе послѣдней не пришлось имѣть дальнѣйшаго хода: по почину присутствовавшихъ при этомъ гвардейскихъ офицеровъ, приверженцы стараго режима предложили шляхетству выразить государынѣ благодарность поднесеніемъ ей самодержавія— и это предложеніе, сочувственно принятое большинствомъ шляхетства, тутъ же и было приведено въ исполненіе. Императрицѣ поднесена другая челобитная, подносившая ей „*самодержавство* таково, каково ея славные и достохвальные предки имѣли", просившая ея уничтожить подписанные ею въ Митавѣ ограничительные пункты и уничтожить ненавистный Верховный Т. Совѣтъ, возстановивъ прежнее значеніе Петровскаго Сената. Вслѣдъ затѣмъ былъ изодранъ императрицею и листъ съ подписанными ею пунктами.

Такъ окончилась неудачная попытка верховниковъ ограничить самодержавіе Анны Іоанновны.

I.

Само собою разумѣется, что взявъ въ руки *историческое* сочиненіе Д. А. Корсакова, читатель имѣетъ полнѣйшее основаніе искать въ книгѣ его историческаго освѣщенія событія 1730 года, вправѣ расчитывать найти въ ней изложеніе связи даннаго событія съ предшествовавшими эпохами развитія русской государственной жизни, а также и съ явленіями послѣдующаго времени.

Попытку дать историческое освѣщеніе событію 1730 г. находимъ мы у Д. А. Корсакова во введеніи къ его книгѣ, на стр. I—XIV. Здѣсь авторъ указываетъ причины, подготовившія событія воцаренія Анны Іоанновны, руководствуясь

мыслями, высказанными въ статьѣ г. Карновича: „Замыслы верховниковъ и челобитчиковъ въ 1730 году" (Отеч. Зап. 1872 г., т. CXCX). Сравнивая изложеніе этихъ причинъ въ книгѣ г. Корсакова съ одной стороны, и въ статьѣ г. Карновича съ другой стороны — нельзя не отдать предпочтеніе изложенію послѣдняго, какъ съ точки зрѣнія полноты и ясности, такъ и съ точки зрѣнія аргументаціи. Нельзя не пожалѣть что авторъ, передѣлывая и сокращая доводы г. Карновича, не указалъ на источникъ, изъ котораго заимствовалъ мысли, легшія въ основу его изложенія; желающій ближе ознакомиться съ вопросомъ о причинахъ событія 1730 г. могъ бы, руководствуясь ссылкою автора, раскрыть статью Карновича и найти несравненно болѣе подробную и ясную аргументацію. Вообще, разсматриваемая часть книги Д. А. Корсакова—слабѣйшая во всемъ сочиненіи. Ясно, что авторъ, не желая терять трудъ на самостоятельную разработку историческихъ причинъ событія 1730 года, съ презрѣніемъ игнорируетъ Русь до-Петровскую; обходя указанія Карновича (хотя и весьма краткія) на явленія государственной жизни Московскаго государства, могущія стоять въ связи съ событіемъ 1730 г.,—заимствуетъ только тѣ причины, выясняемыя г. Карновичемъ, которыя коренятся въ явленіяхъ жизни начала XVIII и отчасти только конца XVII столѣтія.

Въ своемъ введеніи, Д. А. Корсаковъ прежде всего пытается уяснить характеръ реакціи „противъ программы царя-преобразователя", реакціи имѣвшей мѣсто какъ при жизни Петра I, такъ и послѣ его кончины. Первая, говоритъ авторъ, была *пассивная*, такъ какъ открыто сопротивляться Петру было невозможно, вторая же—*активная*, наступившая со смертью преобразователя. Установивъ такимъ образомъ различіе реакціи противъ „программы" Петра при жизни послѣдняго и послѣ его кончины —авторъ старается кратко охарактеризовать оба вида реакціи, и пассивной и активной. Пассивная реакція выразилась въ двухъ противоположныхъ полюсахъ русскаго народа: въ боярствѣ и въ крестьянствѣ. Въ чемъ же *выразилась* эта реакція?—естественно спроситъ читатель автора. Предвидя невозможность обойти отвѣтъ на этотъ вопросъ—авторъ выходитъ изъ затрудненія весьма простымъ способомъ: онъ отдѣлывается нѣсколькими общими, безсодержательными фразами,—не ли-

шенными впрочемъ риторическихъ красотъ, хотя и не дѣлающими чести историческимъ знаніямъ автора. Приведемъ дословно отвѣтъ автора:

„Пассивные протестанты изъ того и другаго сословія — *убѣгаютъ* отъ тягостей Петровыхъ „новшествъ", но тѣ и другіе *бѣгутъ розно*, безъ общаго плана, безъ ясно сознанной мысли. Крестьяне убѣгаютъ въ дѣйствительности, бояре убѣгаютъ въ переносномъ смыслѣ (!), углубляются мысленно въ самихъ себя (?). Крестьяне убѣгаютъ или на Волгу, на „широкое раздолье", въ степь, въ „мать—тихую пустыню", или зарубежные лѣса литовскіе; бояре убѣгаютъ своими воспоминаніями и мечтами въ московскую, до-Петровскую Русь, или въ заморскія страны, стремясь найти идеалы лучшаго существованія въ прошломъ родной страны, или въ современномъ положеніи сосѣднихъ государствъ".

Что означаетъ эта художественная тирада изъ введенія къ книгѣ Д. А. Корсакова? Характеристику пассивной реакціи противъ „новшествъ" при жизни самаго преобразователя? Позволю себѣ усумниться въ томъ и завѣрить автора, что читатель, мало мальски знакомый съ русской исторіею, станетъ невольно въ тупикъ: гдѣ же нашелъ здѣсь авторъ реакціи противъ *Петровскихъ реформъ*? Развѣ до Петра I-го крестьяне не убѣгали на Волгу, „на широкое раздолье„ и въ „мать—тихую пустыню"? Побѣги эти были дѣйствительно выраженіемъ реакціи крестьянъ, но не противъ Петровскихъ реформъ, а противъ развивающагося крѣпостнаго права. Время особеннаго усиленія этого характернаго для второй половины XVII вѣка явленія—начинается съ изданія Уложенія 1649 г., которымъ отмѣнены были такъ называемыя урочныя лѣта; въ исторіи русскаго крестьянства вся вторая половина XVII вѣка наполнено свидѣтельствами о хроническомъ бѣгствѣ крестьянъ въ украйные города, на Волжскія низовья, на Донъ и въ Сибирь, и о борьбѣ съ этимъ явленіемъ правительства Московскаго. Излюбленный авторомъ XVIII вѣкъ лишь унаслѣдовалъ это явленіе отъ Руси Московской. При чемъ же тутъ Петровскія реформы и „пассивная" реакція противъ нихъ крестьянства? Ясно, что автора выдало здѣсь головою плохое знакомство съ внутреннимъ состояніемъ Московскаго государства и такимъ классическимъ произведеніемъ, какимъ являются „Крестьяне на Руси" покой-

[illegible]

наго И. Д. Бѣляева. Вторымъ выраженіемъ пассивной реакціи противъ Петровскихъ реформъ является, по мнѣнію автора, „бѣгство въ переносномъ смыслѣ“ мечтами и воспоминаніями въ до—Петровскую Русь высшаго слоя русскаго народа — боярства. Чтобы доказать безсодержательность этого положенія и совершенное отсутствіе въ немъ чертъ, характерныхъ для „пассивной реакціи“ автора—я позволю себѣ перемѣнить въ относящемся сюда текстѣ книги г. Корсакова всего два слова и прочесть его слѣдующимъ образомъ: …„бояре убѣгаютъ своими воспоминаніями и мечтами *въ удѣльную, въ до-Московскую* Русь, или въ заморскія страны, стремясь найти идеалы лучшаго существованія въ прошломъ родной страны или въ современномъ положеніи сосѣднихъ государствъ“. Узнаетъ ли авторъ въ приведенныхъ словахъ его собственнаго текста, съ перемѣной двухъ словъ, характеристику стремленій Московскаго боярства XVI-го вѣка, временъ Берсеня-Беклемишева и Θедора Жаренаго, слишкомъ храбро *„убѣгавшихъ воспоминаніями“* въ прошлое родной страны? Припомнится-ли ему кровавая борьба Грознаго царя съ такими же „убѣганіями“ боярства? Припомнятся ли ему событія, сопровождавшія воцареніе Годунова, Шуйскаго и Михаила Θеодоровича и призванія на престолъ Владислава (о которыхъ ниже будетъ говорено подробнѣе)? Затронувъ разъ вопросъ объ отношеніи русскаго общества къ Петровскимъ реформамъ, автору не лишнее было бы серьезнѣе отнестись къ этому вопросу, выяснить въ краткихъ чертахъ *характерныя* явленія отрицательнаго отношенія къ нимъ различныхъ слоевъ русскаго народа—и боярства, и служилыхъ людей низшихъ разрядовъ, и духовенства, и посадскихъ людей, и крестьянъ, не забыть и отношенія къ нимъ раскола и дать всему этому матеріалу приличную и научную аргументацію, а не отдѣловаться общими фразами. Авторъ возразитъ намъ, что подобная работа отвлекла бы его слишкомъ далеко отъ основной темы сочиненія и потребовала бы слишкомъ много времени. На первое мы отвѣтимъ, что хотя авторъ и признаетъ свой трудъ только „этюдомъ“, тѣмъ не менѣе этотъ „этюдъ“—историческое изслѣдованіе, расчитанное на пріобрѣтеніе высшей *ученой* степени, а весьма позволительно усумниться въ возможности *научной* разработки извѣстнаго историческаго событія, оторвавъ его отъ предшествовавшаго хода исторической

жизни народа. На второе мы отвѣтимъ, что вопросъ объ отношеніи русскаго общества къ Петровскимъ реформамъ —вопросъ не открытый въ русской исторической наукѣ и что спеціалисту - историку, потребовалось бы не особенно большой затраты времени на собраніе и обработку существующаго для этого вопроса матеріала, хотя конечно изложеніе его и потребовало бы нѣсколько страницъ, вмѣсто полуторы странички, посвященной ему авторомъ. Не менѣе бойко разрѣшаетъ авторъ и вопросъ объ активной реакціи противъ Петровскихъ реформъ, наступившей послѣ смерти преобразователя. Выразителемъ этого протеста (этимъ терминомъ замѣняетъ теперь авторъ слово „активная реакція") является высшій слой русскаго народа—„который всего болѣе былъ придавленъ реформой (?)—родословные люди". Протестъ этотъ, какъ вытекаетъ изъ словъ автора, сводится къ тому, что родословные люди „возстаютъ и противъ новыхъ русскихъ людей, выдвинутыхъ реформой, и противъ иноземцевъ, явившихся къ намъ въ обиліи во время реформы. И тѣ и другіе даютъ отпоръ: возникаетъ двойная борьба—общественная и національная". Если при изложеніи вопроса о „пассивной" реакціи (замѣтимъ кстати, что своею игрою словами *пассивная* и *активная* реакція—авторъ наводитъ на мысль, что ему не вполнѣ сознательнымъ представляется истинное значеніе этихъ словъ) авторъ выказалъ неосновательное знакомство съ исторіею до-Петровской Руси, то теперь, при изложеніи вопроса объ „активной" реакціи—онъ выказываетъ малое знакомство съ вопросомъ о Петровскихъ реформахъ, объ отношеніи ихъ къ жизни русскаго народа и весьма отсталый взглядъ на самое значеніе исторіи, какъ науки. Кто изъ лицъ, мало мальски знакомыхъ съ русскою исторіею, на—слово повѣритъ г. Корсакову, что выразителемъ протеста противъ Петровскихъ реформъ является только высшій слой русскаго народа, люди родословные, и что протестъ этотъ выражается лишь въ борьбѣ съ русскими людьми, водвинутыми реформою, и съ иноземцами? Кто на—слово повѣритъ г. Корсакову, что родословные люди всего болѣе были *придавлены* реформою? Въ чемъ же наконецъ видѣтъ авторъ это „придавленіе"? Отвѣтъ находимъ мы на стр. IX—X: дворянство не было привиллегированнымъ сословіемъ, какимъ является *позднѣе*, у него не было никакихъ привиллегій сравнительно съ другими сословіями, и

т. п. А развѣ крестьянство не было не только придавлено, но и совершенно раздавлено въ царствованіе Петра? Развѣ авторъ не знаетъ послѣдствій первой ревизіи 1719 года, разобщившей крестьянина отъ государства, утвердившей фактическія злоупотребленія помѣщичьей власти и сдѣлавшейся исходною точкою дальнѣйшаго, уже не фактическаго, а легальнаго развитія крѣпостнаго права и стѣсненія правъ крестьянства? Вообще, нельзя не согласиться съ однимъ изъ рецензентомъ книги г. Корсакова, что онъ совершенно игнорируетъ существованіе и значеніе народа въ исторіи, что, силясь выводить историческія явленія изъ дѣйствій и взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ личностей, онъ не примѣчаетъ слона—русскаго народа (Недѣля за 1880 г., № 23). Историческое направленіе г. Корсакова все еще не вышло—на сколько можно судить по историческимъ работамъ его за послѣдніе восемь лѣтъ—изъ заколдованнаго круга повѣствованія о достопамятныхъ событіяхъ, невольно принимая біографо-анекдотическую окраску, съ сильнымъ беллетристическимъ пошибомъ и обращаясь въ *собраніе рѣдкостей*, какъ называетъ подобное направленіе профес. К. Н. Бестужевъ—Рюминъ въ введеніи къ своей „Русской Исторіи".

Мы разсмотрѣли попытку Д. А. Корсакова связать событіе, избранное имъ предметомъ диссертаціи своей, съ реформами Петра I-го и съ отношеніемъ къ нимъ русскаго общества. Мы признаемъ эту попытку совершенно неудовлетворительною и задачу автора совершенно невыполненною. Читатель безъ всякаго ущерба для ознакомленія съ событіемъ 1730 г. можетъ пропустить первыя двѣ страницы введенія и начать съ третьей страницы, гдѣ авторъ указываетъ *„явленія, бывшія главнѣйшими элементами, образовавшими фактъ воцаренія* (sic!) Анны Іоанновны". Послѣдуемъ за авторомъ въ эту въ высшей степени интересную (по своему существу, а не изложенію ее въ книгѣ г. Корсакова) сторону вопроса.

Если авторъ былъ вполнѣ самостоятеленъ и оригиналенъ на первыхъ двухъ страницахъ своего введенія, то теперь онъ уже не можетъ похвалиться тѣмъ же качествомъ. Вопросъ объ историческихъ явленіяхъ, подготовившихъ событіе 1730 года—излагается имъ на основаніи статьи г. Карновича „Замыслы верховниковъ и челобитчиковъ въ 1730 году" (Отеч. Зап. 1872 г., т. CXCX). Авторъ поступилъ при

этомъ весьма деликатно, не цитируя заимствованія тѣхъ или другихъ мыслей и взглядовъ у г. Карновича; послѣдній врядъ ли поблагодарилъ бы его за неудачную переработку высказанныхъ имъ положеній.

Д. А. Корсаковъ указываетъ слѣдующія пять „явленій, бывшихъ главнѣйшими элементами, образовавшими фактъ воцаренія Анны Іоанновны“: 1) неопредѣленность престолонаслѣдія послѣ Петра Великаго, 2) личныя качества его ближайшихъ преемниковъ, 3) государственное значеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта, 4) неопредѣленность правъ шляхетскаго сословія и 5) отношенія русскихъ людей къ иноземцамъ. Разсмотримъ каждое изъ этихъ „явленій“ въ отдѣльности—въ переработкѣ автора „Воцаренія императрицы Анны Іоанновны“.

1. *Неопредѣленность престолонаслѣдія* послѣ Петра Великаго, какъ историческое условіе, подготовившее событія 1730 г.—аргументируется Д. А. Корсаковымъ крайне неудовлетворительно сравнительно съ г. Карновичемъ. Исчисливъ всѣ усложненія по престолонаслѣдію, начиная съ отстраненія царевича Алексѣя до смерти Петра II-го, авторъ невольно ставитъ читателя въ недоумѣніе: *какимъ же именно путемъ* всѣ эти затрудненія и „конъюнктуры“ подготовили обстоятельства восшествія на престолъ Анны Іоанновны? Изъ указываемыхъ авторомъ отдѣльныхъ случаевъ шаткости въ престолонаслѣдіи за первое тридцатилѣтіе XVIII вѣка—лишь по отношенію къ воцаренію Екатерины I высказываетъ авторъ положеніе, что это воцареніе „служило прецедентомъ избранія государя произвольной группой высшихъ должностныхъ лицъ, по ихъ усмотрѣнію“. Нельзя не пожалѣть что авторъ, заимствовавъ мысль г. Карновича о связи неопредѣленности въ престолонаслѣдіи съ обстоятельствами воцаренія Анны Іоанновны, не только не постарался въ своемъ ученомъ трудѣ ступить шагъ впередъ сравнительно съ журнальною статьею г. Карновича, но, напротивъ, выказываетъ значительный регрессъ въ аргументаціи этого вопроса. Въ статьѣ г. Карновича читатель найдетъ весьма обстоятельное изложеніе историческаго развитія права престолонаслѣдія (хотя и трудно согласиться со всѣмъ, высказаннымъ здѣсь авторомъ), начиная съ Руси до-Петровской; здѣсь найдетъ онъ и попытку объясненія замѣчательнаго явленія двоецарствія Ивана и Петра Алексѣевичей, и прагматиче-

ское указаніе постепеннаго хода затемнѣнія сознанія о правѣ престолонаслѣдія со времени Петровскаго устава о наслѣдіи престола. Дочитавши статью г. Карновича до изложенія обстоятельствъ воцаренія Екатерины I—мы будемъ у самаго источника вышеприведеннаго положенія г. Корсакова; г. Карновичъ говоритъ именно, что возведеніе Меньшиковымъ Екатерины на престолъ внушило „отважнымъ царедворцамъ мысль, что и впослѣдствіи, при подобныхъ обстоятельствахъ, они могутъ располагать короною, какъ распорядился уже однажды ею князь Моньшиковъ“ (ст. Карновича, стр. 214). Д. А Корсаковъ совершенно удовлетворяется перефразировкою приведеннаго положенія—и считаетъ вопросъ о вліяніи неопредѣленности престолонаслѣдія на событія 1730 г. вполнѣ уясненнымъ. А не мѣшало бы ему воспользоваться и дальнѣйшими соображеніями г. Карновича, въ которыхъ *именно* и лежитъ ключь къ уясненію даннаго вопроса. Г. Карновичъ, высказавъ мысль, что призваніе на престолъ Анны Іоанновны было ближайшимъ послѣдствіемъ предшествовавшей неопредѣленности въ престолонаслѣдіи и доказавъ эту мысль длиннымъ рядомъ фактовъ, вполнѣ освѣщенныхъ и поставленныхъ во взаимной связи—заявляетъ далѣе, что только благодаря этой неопредѣленности, созданной отрицательнымъ актомъ 1722 о наслѣдіи престола, сдѣлалась возможною ограничительная попытка 1730 года, такъ какъ престолъ достался Аннѣ не прямо, а черезъ руки вельможъ. При этомъ была устранена старшая дочь царя Іоанна—Екатерина, слѣдовательно, принимая корону съ нарушеніемъ правъ старшей сестры, Анна Іоанновна какъ бы входила въ добровольную сдѣлку съ своими избирателями, а послѣднимъ и представилось естественнымъ воспользоваться этимъ положеніемъ дѣлъ для ограниченія самодержавія императрицы и для „полегчанія себѣ“, для „прибавки себѣ воли“. Такова аргументація г. Карновича; авторъ же „Воцаренія императр. Анны Іоанновны“, воспользовавшись лишь первою посылкою г. Карновича—не пошелъ далѣе сжатаго и неполнаго разсказа о различныхъ „конъюнктурахъ“, „тестаментахъ“ и „десцендентахъ“, не заботясь о какихъ либо выводахъ изъ перечисленныхъ имъ фактовъ. Да и вообще, странно видѣть, что авторъ, въ сочиненіи, имѣющемъ задачею изложеніе исторіи *воцаренія* извѣстнаго государя, не могъ отвести болѣе 1½ страницъ изложенію вопроса о предшествовавшемъ состояніи

права престолонаслѣдія, хотя бы только въ эпоху ближайшую къ описываемому имъ событію.

2. Вліяніе *личныхъ качествъ преемниковъ Петра* на подготовку событія 1730 года—мысль всецѣло заимствованная опять таки у г. Карновича (см. статью Карновича, стр. 217—218). Указавъ на суровый характеръ самодержавія Петра I и на фиктивное самодержавіе Екатерины I и Петра II, за которымъ скрывалась власть временщиковъ—г. Карновичъ дѣлаетъ заключеніе, что правленіе двухъ послѣднихъ государей должно было, при сравненіи съ характеромъ власти Петра Великаго—сильно ослабить сложившееся при послѣднемъ понятіе самодержавія, что ни для кого не могло быть скрыто, что между государемъ и государствомъ стояли въ эти царствованія могучіе временщики, бывшіе фактическими похитителями самодержавія. Отсюда не трудно сдѣлать выводъ, что верховникамъ 1730 года было весьма желательно сдѣлать свою небольшую коллегію уже не фактическими, но легальными похитителями самодержавія возведенной ими самими на престолъ государыни. Такова аргументація г. Карновича. Что же даетъ намъ взамѣнъ этого г. Корсаковъ? Начавъ, подобно первому, съ характеристики самодержавія Петра Великаго, г. Корсаковъ сообщаетъ школьныя фразы о томъ что Петръ „могъ всегда служить русскимъ людямъ образцомъ трудолюбія и подвижника на престолѣ", что „немногіе изъ его современниковъ—подданныхъ оцѣнили его съ этой стороны", что „для большинства онъ былъ источникомъ тяготы неудоносимой", но что „и для этого большинства онъ являлся съ ореоломъ славы и величія" (такъ и кажется что читаешь старый учебникъ русской исторіи)—и думаетъ, что, этими не идущими даже къ дѣлу фразами, вполнѣ выяснилъ читателю сущность самодержавія царя—преобразователя. Далѣе сообщается, что Екатерина I—„была женщина добрая и даже умная, но необладавшая широкимъ государственнымъ умомъ", а Петръ II—„былъ ребенокъ, личность котораго не могла опредѣлиться вполнѣ". Дѣлая отсюда заключеніе о фиктивномъ самодержавіи послѣднихъ двухъ государей, авторъ вскользъ упоминаетъ о фактическомъ правительствѣ „прегордаго Голіаѳа" кн. Меньшикова и изъ всего этого матеріала (мы привели его почти дословно) дѣлаетъ заключеніе, что „при такомъ положеніи дѣлъ въ умахъ людей родословныхъ, *этихъ потомковъ „думцевъ" царей Мос-*

ковскихъ (?) являлась мысль о томъ, что они имѣютъ большее право на оффиціальное участіе въ управленіи страной, чѣмъ имѣетъ это право выскочка—пирожникъ, лукаво прикрывавшійся самодержавіемъ женщины и ребенка; была мысль ограничить власть Екатерины I-й сенатомъ (замѣтимъ, что не мѣшало бы сказать объ этомъ и подробнѣе)". Въ только что приведенной выпискѣ изъ книги Д. А. Корсакова подчеркнуты нами слова: „этихъ потомковъ думцевъ царей Московскихъ". Что означаетъ эта вставка? Сомнѣваясь въ томъ, что-бы г. Корсаковъ ввелъ эту фразу для округленія текста или для введенія въ него лишней строки, понимаемъ ее въ томъ смыслѣ, что мысль объ участіи въ управленіи страной являлась въ умахъ людей родословныхъ между прочимъ потому, что они были потомками членовъ Боярской Думы предшествовавшаго періода. Иначе понять этой вставки нельзя. А если такъ, зачѣмъ же авторъ не развилъ этой мысли подробнѣе, зачѣмъ не переступилъ онъ за рубежъ XVIII вѣка, въ очевидно недолюбливаемую имъ Московскую Русь и не показалъ намъ, каковы были тенденціи и политическія стремленія Московскаго боярства, въ какомъ отношеніи стояли эти „думцы", предки будущихъ родословныхъ людей XVIII вѣка, къ царскому самодержавію и т. п.? Если бы Д. А. Корсаковъ не заключилъ себя въ заколдованный кругъ одного десятилѣтія, изъ котораго лишь робко и съ опаскою заглядываетъ въ глубь временъ предшествующихъ—безъ сомнѣнія значительно расширился бы и историческій кругозоръ автора „Воцаренія импер. Анны Іоанновны".

3. Третье историческое условіе, подготовившее событіе 1730 года — пріурочиваетъ Д. А. Корсаковъ къ *государственному значенію Верховнаго Тайнаго Совѣта.*

Слѣдуя порядку изложенія этого вопроса въ статьѣ г. Карновича (стр. 219—224), г. Корсаковъ начинаетъ съ вопроса о введеніи Петромъ I коллегіальнаго порядка управленія, указываетъ далѣе на значеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта какъ верховной коллегіи, возникшей въ 1726 году, и на отношенія, въ которыя стало это новое учрежденіе къ самодержавной власти Екатерины I,—отношенія, при которыхъ оно упрочило за собою высшую правительственную власть, власть на столько значительную, что резолюціи, подписанныя членами В. Т. Совѣта, получали силу высочайшаго указа и

что въ самой формулѣ присяги членовъ В. Т. Совѣта и сенаторовъ императрица не имѣла титула самодержицы. Вся эта часть изложенія г. Корсакова не представляетъ ничего новаго сравнительно съ статьею г. Карновича; у послѣдняго она изложена даже подробнѣе и обстоятельнѣе. Далѣе Д. А. Корсаковъ, вслѣдъ за г. Карновичемъ, силится очистить Верховный Тайный Совѣтъ отъ обвиненія въ олигархическихъ замыслахъ, заявляя, что онъ задавался широкимъ планомъ „поправленія внутреннихъ государственныхъ дѣлъ", одушевляясь при этомъ „мыслью объ общемъ благѣ". Преслѣдуя подобную задачу, Д. А. Корсаковъ приводитъ цѣлый рядъ мѣропріятій В. Т. Совѣта, яко-бы несовмѣстимыхъ съ олигархическимъ характеромъ этого учрежденія; указываетъ на заботы Совѣта объ улучшеніи финансовъ и экономическихъ и промышленно-торговыхъ условій страны, замѣчая однако при этомъ, что вся тяжесть финансовыхъ сборовъ падала на крестьянство, почему В. Т. Совѣтъ „особенно заботится объ улучшеніи участи крестьянъ именно съ финансовой, экономической стороны"; указываетъ на мѣропріятія къ облегченію крестьянамъ платежа подушныхъ денегъ, на мѣропріятія къ расширенію торговли, къ составленію новаго Уложенія и т. п. Основываясь на подобнаго рода доводахъ, г. Корсаковъ смѣло и авторитетно утверждаетъ, что представленіе о В. Т. Совѣтѣ, какъ о *сборищѣ олигарховъ*—„невѣрно". Очевидно авторъ „Воцаренія имп. Анны Іоанновны" воображаетъ, что писатели, обвиняющіе верховниковъ въ олигархическихъ стремленіяхъ,—отождествляютъ эти стремленія съ инстинктами разбойниковъ и грабителей. Верховники не были таковыми—слѣдовательно они *не олигархи*,—такъ и напрашивается подобное заключеніе изъ всѣхъ доводовъ г. Корсакова. Писатели, обвиняющіе верховниковъ въ олигархическихъ стремленіяхъ, писатели весьма серьезные и авторитетные, оспариваніе мнѣнія которыхъ требуетъ болѣе основательной аргументаціи нежели та, къ которой прибѣгаетъ г. Карновичъ, а за нимъ и г. Корсаковъ (укажемъ напримѣръ почтенные въ наукѣ имена профес. Градовскаго и Романовича-Славатинскаго)—конечно не отождествляютъ олигархическія стремленія верховниковъ съ разбойническими инстинктами, но называютъ стремленія верховниковъ олигархическими въ видахъ того, что люди эти, движимые своими личными интересами, желали въ маломъ числѣ узурпи-

ровать самодержавіе, стать непреодолимою претрадою между государемъ и государствомъ и, замкнувшись въ своемъ тѣсномъ кружкѣ, въ сущности лично въ себѣ сосредоточить все правительство. Все это совершалось прежде всего въ интересахъ *сословныхъ*, скажемъ даже болѣе того—фамильныхъ, а разъ эти послѣдніе были достигнуты, конечно странно и даже невозможно было бы со стороны верховниковъ не подумать и объ обще-государственныхъ интересахъ. Верховники захватывали власть для того, что-бы держать въ своихъ рукахъ все управленіе государствомъ, что-бы стоять у рычага государственной машины, управляя ею по своему усмотрѣнію и не стѣсняясь никакими другими элементами, а не для того лишь, что-бы угнетать и грабить народъ. ѣсть, пить и веселиться, какъ очевидно понимаетъ г. Корсаковъ обвиненіе верховниковъ въ олигархическихъ замыслахъ. Если бы г. Корсаковъ не держался слишкомъ слѣпо мыслей, высказанныхъ г. Карновичемъ, и расширилъ кругъ литературныхъ пособій при разработкѣ избранной темы — ему не миновать бы почтеннаго труда проф. Градовскаго: „Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры", въ IV-й главѣ котораго нашелъ бы г. Корсаковъ не мало любопытныхъ соображеній объ историческомъ значеніи Верховнаго Тайнаго Совѣта, которыя расширили бы, повидимому смутныя, представленія о томъ же предметѣ автора „Воцаренія имп. Анны Іоанновны". А что представленія эти весьма смутны, видно уже изъ того, что авторъ, задавшись цѣлью разсмотрѣть вліяніе государственнаго значенія В. Т. Совѣта на событія воцаренія Анны Іоанновны — въ сущности даже и не выполняетъ этой задачи. Изъ изложенія автора читатель узнаетъ, что В. Т. Совѣтъ возникъ будто бы изъ желанія родословныхъ людей противопоставить „единой персонѣ, преисполненной страсти"—верховную коллегію (замѣтимъ кстати, что г. Корсаковъ жестоко заблуждается, думая будто учрежденіе В. Т. Совѣта—есть расширеніе введеннаго Петромъ коллегіальнаго порядка управленія: напротивъ, любимая задача В. Т. Совѣта—водворить господство стараго личнаго начала, ослабленнаго Петровскими коллегіями); будетъ убѣждаться въ отсутствіи у верховниковъ олигархическихъ стремленій, узнаетъ что В. Т. Совѣтъ все болѣе и болѣе расширялъ свою власть—но не узнаетъ главнаго: *какимъ образомъ* государственное значеніе этого учрежденія послужило подготовкою со-

бытій 1730 года. Здѣсь авторъ, или не договариваетъ своихъ мыслей, или же опасается сдѣлать общій выводъ (нельзя же счесть за таковой выписку на стр. VIII изъ донесенія франц. резидента Компредона). Читателю остается или самому догадываться, какой выводъ слѣдуетъ изъ фактовъ приводимыхъ г. Корсаковымъ, или же обратиться за разъясненіемъ къ другому автору. Порекомендуемъ ему послѣднее и посовѣтуемъ обратиться къ упомянутому выше труду проф. Градовскаго. Здѣсь читатель увидитъ, что самое учрежденіе Верх. Тайнаго Совѣта—не просуществовавшаго и пяти лѣтъ—было въ сущности не столько реформою высшаго государственнаго управленія, сколько неожиданнымъ государственнымъ переворотомъ, произведеннымъ въ интересахъ высшихъ военныхъ чиновъ и людей родословныхъ. Ни военный элементъ, ни люди родословные—не симпатизировали Петровскому сенату, стоявшему во главѣ государственнаго управленія. Первые видѣли въ немъ необходимость подчиненія военнаго начала гражданскому; вторые сознавали, что происхожденіе ихъ отнынѣ уже безсильно открыть для нихъ доступъ въ число сенаторовъ, какъ открывало оно большинству ихъ предковъ доступъ въ старую Думу Боярскую (такъ какъ чинъ боярина и окольничаго былъ наслѣдственнымъ въ родѣ многихъ служилыхъ людей, а чины эти давали званіе членовъ Думы), слѣдовательно лишало ихъ возможности вліять на государственныя дѣла, затирало ихъ передъ случайно возвысившимися родами и осуждало на скорое захудѣніе. Въ сенатѣ господствовалъ принципъ чина, въ связи съ личною заслугою, съ исключеніемъ принципа рода; между званіемъ сенатора и родословными людьми стала ненавистная послѣднимъ Петровская табель о рангахъ.

Понятно, что старо-боярской партіи весьма желательно было воскресить нѣчто подобное прежней Боярской Думѣ—и это желаніе нашло выходъ въ учрежденіи Верх. Тайнаго Совѣта. Но этотъ В. Т. Совѣтъ выразилъ въ себѣ родовой принципъ въ такой сильной степени, до какой никогда не достигалъ онъ въ Думѣ Боярской, которая никогда не была учрежденіемъ корпоративно-замкнутымъ, которая была учрежденіемъ только совѣщательнымъ и гдѣ родовой элементъ былъ значительно умѣренъ элементомъ личной заслуги; можно смѣло сказать, что В. Т. Совѣтъ,—съ своимъ стремленіемъ къ замкнутости и съ своимъ постепенно усиливающимся зна-

ченіемъ, которое давало ему власть почти равную царской, —превзошелъ самыя смѣлыя мечты Московскаго боярства, явился квинтъ-эссенціею боярскихъ тенденцій XVI—XVII вѣковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ унижено было значеніе Сената, который обратился изъ „правительствующаго“ въ „высокій“, потерялъ право непосредственнаго доклада государынѣ, помимо В. Т. Совѣта, и сталъ получать отъ послѣдняго указы и писать ему доношенія; вмѣстѣ съ тѣмъ В. Т. Совѣтъ присвоилъ себѣ даже право назначать членовъ Сената изъ кандидатовъ, представляемыхъ послѣднимъ—слѣдов. получилъ вліяніе и на личный составъ сенаторовъ. Уже вскорѣ послѣ паденія Меньшикова военный элементъ потерялъ значеніе въ В. Т. Совѣтѣ; преобладаніе получаютъ здѣсь люди родословные, которые преслѣдуютъ цѣли олигархическія, доводящія ихъ до желанія уничтожить и безъ того фиктивно существовавшее при Екатеринѣ I и Петрѣ II самодержавіе— и эти замыслы, встрѣтивъ отпоръ въ массѣ шляхетства, повлекли за собою уничтоженіе этого тенденціознаго учрежденія.

Теперь понятно будетъ, почему лица, задумавшія учредить въ Россіи Верх. Тайный Совѣтъ, выполняли дѣло это тайно, крадучись, какъ-бы совершая воровское дѣло,—какъ впослѣдствіе украдкою, подъ сурдинку, замышляли верховники и ограниченіе самодержавія Анны Іоанновны; извѣстно, что Сенатъ отказывался даже принять *указъ* объ учрежденіи В. Т. Совѣта—до такой степени неожиданъ и неподготовленъ былъ этотъ, въ полномъ смыслѣ слова, государственный переворотъ. Только имѣя въ виду *всѣ* указанныя обстоятельства можно понять, какимъ образомъ учрежденіе В. Т. Совѣта было актомъ подготовительнымъ къ событію 1730 года: въ этомъ учрежденіи нашли себѣ выходъ олигархическія стремленія родословныхъ людей, это учрежденіе дало имъ возможность сплотиться, стать во главѣ государственнаго управленія, подчинивъ власти своей даже Сенатъ —а отсюда только одинъ шагъ до обстоятельствъ, которыми сопровождалось воцареніе Анны Іоанновны.

4) *Неопредѣленность правъ шляхетскаго сословія*—является въ книгѣ Д. А. Корсакова четвертымъ историческимъ условіемъ, подготовившимъ, какъ выражается авторъ—„фактъ воцаренія Анны Іоанновны“. Вліяніе этого условія—не новость въ русской исторической литературѣ; еще въ 1872 г.

указано и развито было оно въ цитированной выше статьѣ г. Карновича, откуда очевидно и заимствовано г. Корсаковымъ. Вслѣдъ за г. Карновичемъ, авторъ „Воцаренія имп. Анны Іоанновны“ рисуетъ мрачную картину внутренняго состоянія русскаго шляхетскаго сословія въ первую половину XVIII вѣка, говоритъ о „почти полномъ отсутствіи правъ“ у этого сословія, на которомъ лежала „весьма тяжелая обязанность—постоянной службы государству“, и которое заставляли учиться,—„а служба и науки не легко дались шляхетству“, которое хотя и пользовалось нѣкоторыми весьма важными льготами (напр. освобожденіемъ отъ ревизіи, подушной подати, въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ пытки и изв. льготами въ торговлѣ)—„но всѣ остальныя натуральныя и денежныя повинности оно несло на равнѣ съ другими сословіями“ и т. п., и наконецъ проводитъ паралель между шляхтичемъ первой половины XVIII-го вѣка и служилымъ человѣкомъ Московскаго государства, отдавая очевидное предпочтеніе условіямъ жизни послѣдняго. Резюмируя все сказанное по этому поводу г. Корсаковымъ, мы выразимъ мысль его въ краткихъ словахъ: шляхетство съ грустью вспоминало „привольное житье дворянъ и дѣтей боярскихъ въ своихъ деревняхъ“ и, не имѣя никакихъ почти правъ — было недовольно настоящимъ порядкомъ вещей. По своему обыкновенію авторъ и при разсмотрѣніи вліянія внутреннихъ условій быта шляхетства на событія 1730 г.—избѣгаетъ ясно формулированнаго вывода изъ своего изложенія; на этотъ разъ выводъ ясно вытекаетъ изъ всего изложенія и мы его сформулируемъ: шляхетство видѣло въ перемѣнѣ образа правленія возможность выхода изъ своего положенія. Опуская пока вопросъ о томъ, на сколько положеніе московскихъ служилыхъ людей было привольнѣе и краше положенія шляхетства первой половины XVIII-го столѣтія—предложимъ автору лишь слѣдующій вопросъ: было-ли шляхетство, по крайней мѣрѣ въ массѣ своей и за исключеніемъ нѣсколькихъ передовыхъ личностей, выдавшихся изъ общей массы индивидуальными условіями своего духовнаго развитія и соціальнаго положенія, проникнуто сознаніемъ необходимости перемѣны формы правленія и шло-ли оно *сознательно* къ достиженію подобной цѣли? Нельзя не замѣтить во всѣхъ главахъ „Воцаренія имп. Анны Іоанновны“ лавированія автора между Сциллой и Харибдой, представляемыми разрѣшеніемъ этого вопроса.

Рѣшить вопросъ этотъ въ положительномъ смыслѣ казалось автору опаснымъ, такъ какъ приписаніе малограмотной массѣ русскаго шляхетства первой половины XVIII стол. какихъ то ясно сознаваемыхъ и дѣятельно преслѣдуемыхъ политическихъ идеаловъ—было бы слишкомъ смѣло съ точки зрѣнія неумолимой исторической критики. Рѣшить же вопросъ этотъ въ смыслѣ отрицательномъ—не позволяла автору самая постановка имъ вопроса, избраннаго для диссертаціи. Шляхетское движеніе явилось важнѣйшимъ факторомъ событій 1730 года—и авторъ, игнорирующій Русь до-Петровскую и выводящій историческія причины этого событія изъ условій лишь современной событію государственной и общественной жизни, не могъ конечно совершенно отказать шляхетству въ какихъ то реформаторскихъ политическихъ стремленіяхъ. Этимъ только и объясняемъ мы приписываніе авторомъ „русскому шляхетству первой половины XVIII вѣка" какихъ то „политическихъ *умоначертаній*", будто бы выразившихся въ подданныхъ отъ имени шляхетства двѣнадцати проэктахъ и мнѣніяхъ, заявленіе автора о томъ, что всѣ разнообразные элементы шляхетства проникнуты были „сознаніемъ необходимости расширить кругъ государственныхъ реформъ", указаніе на „различныя направленія", на большинство и меньшинство и т. п. предположенія автора, прилагаемыя къ разбросанному, некорпоративному и безформенному государственному элементу, какимъ являлось русское шляхетство первой половины XVIII-го столѣтія (см. стр. 104, 147 - 149)! Съ другой стороны, на стр. 89-й, авторъ самъ же заявляетъ о невозможности „опредѣлить съ точностью кружки, на которые распадалось шляхетство, и выяснить политическіе идеалы этихъ кружковъ", а на стр. 90-й съ полнымъ убѣжденіямъ заявляетъ, что „тщетно стали бы мы искать у него (русскаго шляхетства 1730 г.) ясно сознаваемыхъ политическихъ идеаловъ." Какъ же примирить это положеніе автора съ его же заявленіемъ о „политическихъ умоначертаніяхъ," „направленіяхъ" и „сознанія необходимости расширенія круга государственныхъ реформъ", приписываемыхъ имъ на стр. 147—149 тому же шляхетству? Мы лично примемъ на себя смѣлость безусловно отвергнуть мысль о новыхъ, отличныхъ отъ XVII-го вѣка, политическихъ идеалахъ русскаго шляхетства (такъ какъ мы не рѣшимся счесть политическими идеалами сословныя pia desideria со-

го шляхетства, какъ то: пріобрѣтеніе себѣ исключительнаго положенія, финансовыхъ и служебныхъ льготъ, развитіе крѣпостнаго права и т. п.), о существованіи въ массѣ шляхетства какихъ то политическихъ направленій и упоначертаній и т. п.,—и выскажемъ наше убѣжденіе, что поданные въ В. Т. Совѣтъ проекты и мнѣнія не только не выражаютъ собою „политическихъ умоначертаній" русскаго шляхетства первой половины XVIII вѣка (какъ слишкомъ рѣшительно заявляетъ это авторъ на стр. 147) (¹), но не выражаютъ собою даже политическихъ убѣжденій лицъ, подъ ними подписавшихся. Дѣйствительно, челобитья и проекты 1730 года возникли не самостоятельнымъ путемъ, не сами собою, но были лишь реакціею противъ олигархическихъ замысловъ верховниковъ; не будь этихъ замысловъ — не было бы конечно и этихъ челобитій и проектовъ. Прекрасно очерчиваетъ Θеофанъ Прокоповичъ характеръ этого движенія, направленнаго противъ верховниковъ: „Жалостное же вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе. Куда ни пріидешь, къ какому собранію ни пристанешь, не иначе что было слышать, только горестныя нареканія на осмиричныхъ оныхъ затѣйщиковъ: всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное дерзновеніе, несытое лакомство и властолюбіе. И вездѣ въ одну, почитай, рѣчь говорено, что если по желанію оныхъ господъ сдѣлается (отъ чего сохранилъ бы Богъ),—то крайне всему отечеству настоитъ бѣдство". Верховники не могли не предвидѣть, что замыслы ихъ встрѣтятъ противодѣйствіе со стороны низшей братьи ихъ—шляхетства. Этимъ объясняется таинственность, въ которую облекаютъ они свои предположенія объ ограниченіи власти го-

---

(¹) Д. А. Корсаковъ утверждаетъ, что всѣ проекты и мнѣнія подписаны 1100 лицами. Какое же основаніе имѣетъ г. Корсаковъ отождествлять политическіе идеалы ихъ (если бы таковые и выразились) съ политическими идеалами всего русскаго шляхетства первой полов. XVIII-го вѣка? Эти 1100 человѣкъ не были *представителями* шляхетства, слѣдов. и не были представителями его идеаловъ и интересовъ. Огромное большинство русскаго шляхетства было раскинуто по различнымъ областямъ государства, или отбывая службу, или проживая въ своихъ помѣстьяхъ, и ничѣмъ не обнаруживая своихъ политическихъ стремленій, а тѣмъ [illegible] шляхетскаго движенія 1730 года [illegible]

вой императрицы и принятіе строгихъ мѣръ къ пресѣченію возможности своевременнаго извѣщенія Анны Ивановны о томъ, что посланные ей къ подписанію пункты составляютъ „воровскую“ (какъ сказали бы въ XVI-мъ вѣкѣ) затѣйку восьми „персонъ“—членовъ В. Т. Совѣта—а не являются актомъ воли всенародной Этимъ объясняются приготовительныя мѣры верховниковъ къ засѣданію 3-го февраля, въ которомъ должны были быть провозглашены письмо императрицы и подписанныя ею ограничительныя условія; весь кремлевскій дворецъ, гдѣ должно было произойти это провозглашеніе, былъ окруженъ войсками, которыя были даже разставлены по всѣмъ внутреннимъ переходамъ дворца, такъ какъ верховники опасались движенія противъ нихъ. Вотъ какъ относилось даже именитое и чиновное шляхетство, приглашенное въ засѣданіе 3-го февраля, къ „затѣйкѣ“ верховниковъ. И верховники имѣли полное основаніе опасаться всеобщаго противъ нихъ возбужденія: въ средѣ возмущеннаго шляхетства раздавались голоса, предлагавшіе напасть на верховниковъ, избить ихъ и вмѣстѣ съ ними въ самомъ корнѣ уничтожить ихъ затѣйку. Другіе голоса, болѣе умѣренные, предлагали дать понять верховникамъ, что „затѣйки ихъ не тайны,— всѣмъ извѣстно, что они строятъ“ и заявить имъ, что они не уполномочены перестраивать государственный строй. Устрашенные верховники поняли, что они затѣяли опасную игру: они предлагаютъ „синоду, сенату, генералитету и шляхетству“ представить отъ себя проекты будущаго государственнаго строя; это предложеніе явилось отвѣтомъ на жгучій вопросъ, поставленный въ засѣданіи 3-го февраля верховникамъ: „какимъ образомъ впредь то правленіе быть имѣетъ“? Таково происхожденіе шляхетскихъ проектовъ, въ которыхъ мы отказываемся видѣть самостоятельное проявленіе какихъ то миѳическихъ „политическихъ умоначертаній русскаго шляхетства первой полов. XVIII-го вѣка“, а просто видимъ средство обузданія грозящей олигархіи В. Т. Совѣта. И въ самомъ дѣлѣ, что иное могли предпринять противники верховниковъ, если не принимать въ соображеніе кроваваго проекта поголовнаго избіенія ихъ, какъ не противопоставить ихъ „необычному дерзновенію“ предположенія болѣе умѣреннаго характера? Дѣло верховниковъ казалось выиграннымъ: въ рукахъ В. Т. Совѣта находились подписанные императрицею пункты. И вотъ противники верховниковъ предъявляютъ

имъ свои мнѣнія и проекты—какъ противовѣсъ олигархическимъ замысламъ ихъ. Д. А. Корсаковъ весьма вѣрно подмѣчаетъ тотъ фактъ, что всѣ проекты избѣгаютъ опредѣленія существа власти Анны Ивановны и ничего не говорятъ объ ограниченіи этой власти: фактъ весьма замѣчательный, невольно свидѣтельствующій намъ о томъ, что въ средѣ шляхетства не было сознанія о необходимости ограниченія самодержавія. Напротивъ, весьма важную заботу всѣхъ шляхетскихъ проектовъ составляетъ вопросъ объ уничтоженіи В. Т. Совѣта или, по крайней мѣрѣ, о расширеніи личнаго состава его и требованіе гарантій противъ возвышенія нѣсколькихъ родовитыхъ фамилій и противъ возможности захвата высшихъ должностей членами одной и той же фамиліи. Разсматриваемые проекты не могутъ быть признаваемы, какъ уже выше замѣчено, выраженіемъ „политическихъ умоначертаній“ современнаго русскаго шляхетства; это положеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ слѣдующихъ соображеніяхъ, касающихся вопроса о происхожденіи этихъ проектовъ. Д. А. Корсаковъ, самъ опровергая этимъ нѣкоторыя раньше высказанныя имъ положенія, замѣчаетъ на стр. 191-й книги своей, что „большинство, масса участниковъ проектовъ и мнѣній, какъ всякая масса, двигалась *безсознательно*, куда увлекали ее вожаки движенія. Родство, пріятельскія отношенія, молодость лѣтъ, зависимость служебная, личныя отношенія къ дѣятелямъ предшествовавшихъ царствованій и къ верховникамъ—вотъ что заставляло подписывать всю эту массу“. Вполнѣ и искренно соглашаясь съ приведенными словами автора — выскажемъ наше убѣжденіе, что активная роль въ дѣлѣ составленія проектовъ принадлежала немногимъ выдающимся личностямъ изъ среды шляхетства, которые и обсуждали эти проекты въ тѣсныхъ, интимныхъ кружкахъ друзей и знакомыхъ своихъ.

Предположеніе о раздробленіи всего шляхетства на организованные кружки, съ опредѣленными политическими убѣжденіями и направленіями—легко являющееся при чтеніи книги г. Корсакова,—не имѣетъ за собою никакихъ данныхъ, ни въ современныхъ событію фактахъ, ни въ прошломъ русскаго служилаго класса, ни въ позднѣйшихъ судьбахъ русскаго дворянства. За исключеніемъ передовыхъ шляхетскихъ дѣятелей, боровшихся съ верховниками и противопоставившихъ имъ свои проекты, вся остальная, находившаяся въ

Москвѣ, шляхетская масса—руководилась стаднымъ началомъ и покрывала своими подписями различные проекты, не давая себѣ яснаго отчета въ томъ, чего она хочетъ и что для нея нужно. На это указываетъ намъ и тотъ курьезный фактъ, приводимый авторомъ на стр. 151-й его книги, что многія лица по нѣскольку разъ подписывались подъ различными проектами. Д. А. Корсаковъ силится объяснить этотъ фактъ спѣшностью дѣла, забывчивостью извѣстнаго лица о подписаніи имъ раньше другаго проекта и, наконецъ, возможностью измѣненія убѣжденій. Считаемъ эти объясненія натянутыми. Какова не была-бы поспѣшность въ изготовленіи проектовъ—въ высшей степени страннымъ представляется для лицъ, даже средняго умственнаго развитія, въ нѣсколько дней измѣнить свои взгляды на вещи или забыть о совершеніи ими дѣла столь важнаго, какимъ является подписаніе проекта (что было бы впрочемъ лучшимъ доказательствомъ индифферентнаго отношенія къ дѣлу массы шляхетства). А между тѣмъ число такихъ забывчивыхъ лицъ весьма велико. На основаніи втораго приложенія къ книгѣ г. Корсакова высчитали мы, что изъ 515 лицъ, подписавшихъ проекты №№ I—VIII,—183 лица, т. е. болѣе одной трети, подписались подъ различными проектами! Плохо какъ то вяжутся всѣ указанныя соображенія съ выставленнымъ авторомъ значеніемъ проектовъ, какъ „выраженіемъ политическаго умоначертанія русскаго шляхетства первой половины XVIII-го вѣка (стр. 147)“. Этотъ курьезный фактъ безпорядочнаго подписанія одними и тѣми же лицами различныхъ проектовъ—объясняемъ мы именно отсутствіемъ въ массѣ шляхетства сознанія необходимости измѣненій государственнаго строя и индефферентнымъ отношеніемъ къ самимъ проектамъ. Противники верховниковъ какъ щитомъ прикрывались массою шляхетскихъ подписей въ своей борьбѣ съ ихъ „затѣйками“, и каждый составитель проекта старался заручиться какъ можно большимъ числомъ подписей, пользуясь съ этою цѣлью отношеніями дружбы, родства, знакомства, служебнымъ вліяніемъ и наконецъ своимъ авторитетомъ. Сегодня пріятель подсунулъ проектъ—надо его подписать; завтра предлагаетъ подписать проектъ начальникъ или лице, отказать которому неудобно по личнымъ или соціальнымъ отношеніямъ,—подписывается другой проектъ и т. д. Этимъ [illegible]ніемъ проектовъ, не идущимъ далѣе значенія средствъ или

оружія въ борьбѣ съ верховниками, и этимъ то отсутствіемъ въ средѣ шляхетства извѣстныхъ политическихъ „умоначертаній“ и сознанія необходимости перемѣны существующаго образа правленія—и объясняется въ нашихъ глазахъ та простота и легкость, съ какими шляхетство, за нѣсколько дней до того подписавшееся подъ различными проектами, якобы выражавшими ихъ „политическое умоначертаніе“; 25-го февраля 1730 года, увидѣвъ что поколебалась почва подъ ногами верховниковъ и получивъ отъ императрицы намекъ на то, чего собственно она желаетъ (см. стр. 274 книги г. Корсакова)—не задумалось поднести Аннѣ Ивановнѣ полное „самодержавіе, каково ея славные и достохвальные предки имѣли“, забывъ сдѣлавшіеся теперь излишними всѣ подписанные имъ мнѣнія и проекты. Одного только просили они при этомъ: уничтоженія Верховнаго Тайнаго Совѣта и возстановленія Петровскаго Сената, что и было императрицею исполнено. Подъ челобитьемъ о принятіи самодержавія подписалось 166 человѣкъ,—изъ нихъ 103 лица, подписи которыхъ имѣлись на предъидущихъ мнѣніяхъ и проектахъ.

Что касается затѣмъ попытки Д. А. Корсакова провести паралель между условіями жизни служилыхъ людей Московскаго государства съ условіями жизни русскаго шляхетства первой половины XVIII-го вѣка (вопросъ дѣйствительно интересный и заслуживающій вниманія со стороны русскихъ историковъ)—то она во всякомъ случаѣ попытка болѣе нежели неудачная и остается только удивляться, какъ ухитрился авторъ, на двухъ страничкахъ своего сочиненія (стр. IX и X) такимъ блистательнымъ образомъ выказать свое незнакомство съ внутреннимъ бытомъ Московскаго государства. Мы не имѣемъ въ настоящую минуту ни времени, ни желанія, выполнить задачу, которою задался было себѣ авторъ въ отношеніи только что указаннаго вопроса. Отмѣтимъ только заблужденія автора, явившіяся результатомъ слабаго знакомства его съ внутреннимъ бытомъ русскаго государства въ предшествовавшемъ періодѣ. Въ Московскомъ государствѣ, говоритъ авторъ, служилые люди не составляли сословія, въ нихъ не было корпоративнаго единства. А развѣ въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія шляхетство имѣло корпоративное единство, спросимъ мы автора? Если онъ полагаетъ, что шляхетство имѣло его—зачѣмъ не упомянулъ онъ объ этомъ и не развилъ своей мысли настолько обстоятельно, что-бы

читателю представилось, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь яснымъ,—какое различіе усматриваетъ авторъ въ этомъ отношеніи между служилымъ классомъ XVII стол. и шляхествомъ первой половины XVIII-го. А то, признаться, никакъ въ толкъ не возьмешь, ради чего припуталъ тутъ авторъ вопросъ о некорпоративности московскаго служилаго класса. Никакъ не сообразишь и того, что разумѣетъ здѣсь авторъ подъ понятіемъ корпоративности. Ясно, что онъ принимаетъ здѣсь понятіе „корпоративности сословія“ не въ общепринятомъ научномъ смыслѣ (въ какомъ принимаетъ его напримѣръ проф. А. В. Романовичъ—Славатинскій въ своемъ сочин. „Дворянство въ Россіи“ (глав. V-я)), т. е. не въ томъ смыслѣ, что сословіе организуется въ мѣстныя общества, одаренныя извѣстными правами и несущія опредѣленныя повинности; г. Корсаковъ считаетъ Московское служилое сословіе лишеннымъ корпоративнаго единства потому, что „высшіе чины не имѣли ничего общаго съ низшими“, что „ихъ раздѣляла пропасть, черезъ которую не могъ *никогда* переступить низшій служилый чинъ, отбывавшій натуральную служебную повинность за вознагражденіе земельнымъ надѣломъ—помѣстьемъ и вотчиной (см. начало IX-й страницы)“. Позволимъ себѣ отмѣтить автору два грубыхъ заблужденія, допущенныхъ имъ въ только что выписанныхъ пяти строчкахъ его изложенія. *Первое*: авторъ поступилъ крайне опрометчиво, заявивъ, будто низшій служилый чинъ *никогда* не могъ переступить пропасть, отдѣлявшую его отъ высшихъ чиновъ; слѣдовало сказать, что достиженіе боярства служилымъ человѣкамъ низшаго чина было явленіемъ исключительнымъ и рѣдкимъ, достиженіе имъ чина окольничаго было явленіемъ не особенно частымъ, но далеко не исключительнымъ, и что наконецъ третій чинъ, думнаго дворянина (который авторъ не исключитъ конечно изъ числа высшихъ чиновъ)—былъ совершенно доступенъ лицамъ низшихъ служилыхъ чиновъ и что производство въ этотъ чинъ обусловливалось началомъ личной заслуги, съ устраненіемъ принципа рода (¹).

(¹) Да простить меня авторъ, если я, избѣгая дальнѣйшихъ доказательствъ высказаннаго мною положенія я, войдя въ небольшое ... съ авторскою ..., — сошлюсь на стр. 55—57 перваго

Второе: изъ словъ автора читатель можетъ заключить, будто только низшiе служилые чины отбывали натуральную служебную повинность за вознагражденiе земельнымъ надѣломъ—помѣстьемъ и вотчиной; желательно думать, что эта чудовищная ошибка—результатъ простаго недосмотра автора, такъ какъ подобной ошибки не сдѣлаетъ даже лицо, мало-мальски знакомое съ исторiею помѣстной и вотчинной системы, лежавшей въ основѣ всѣхъ служилыхъ отношенiй Московскаго царства. Изъ четырехъ дальнѣйшихъ строкъ автора, слѣдующихъ за выписанными, оказывается, что авторъ отожествляетъ понятiе „думныхъ людей" съ чинами боярина и окольничаго, игнорируя думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ, а между тѣмъ ближайшее ознакомленiе автора съ послѣдними двумя чинами (третьимъ и четвертымъ въ iерархическомъ порядкѣ),—навело бы на мысль (давно впрочемъ въ наукѣ извѣстную) о постепенномъ стремленiи къ смягченiю въ личномъ составѣ Думы принципа рода введенiемъ въ него принципа чина и личной заслуги, и привело бы быть можетъ автора къ мысли о томъ, что борьба принципа чина, заслуги, съ принципомъ рода—извѣстна была и Московской Руси, что Петръ съ свойственною ему энергiею только довершилъ законодательнымъ путемъ то, что выдвигалось жизнью еще со второй половины XVI-го вѣка. Позволимъ себѣ поставить еще вопросъ: о какомъ это „*привольномъ житьѣ* дворянъ и дѣтей боярскихъ въ своихъ деревняхъ, въ свободное отъ походовъ время" говоритъ авторъ, заявляя, что оно „было еще такъ памятно" шляхетству разсматриваемой имъ эпохи (см. стр. X-ю). Авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ предшествующихъ строкахъ, указывая, что *именно* „весьма естественно стѣсняло шляхетство": это пожизненная служба, трудность отставокъ, строгость „Артикула", продолжительныя войны, ежегодные смотры недорослей у мѣстныхъ правителей, экстренные смотры ихъ въ Москвѣ и контроль за недорослями со стороны герольдмейстера. Здѣсь авторъ доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ своего незнакомства съ внутреннею исторiею Московской Руси. Онъ очевидно не знаетъ, что въ Московскомъ государствѣ служба была пожизненная,

---

[illegible] II-го тома моей «Исторiи права Москов. государства»—гдѣ прив[illegible] [illegible] фактическiя данныя, относящiяся къ этому вопросу.

что она не прекращалась даже съ наступленіемъ фактической невозможности личной службы, замѣняясь службой по представительству, выставкой даточныхъ людей или уплатою извѣстной суммы денегъ. Онъ очевидно не знаетъ, какъ затруднительна была отставка служилаго человѣка отъ личной службы, какъ строго осматривали служилыхъ людей, приходящихъ въ преклонные лѣта или раненыхъ и увѣчныхъ, передъ ихъ освобожденіемъ отъ личной служебной повинности. Онъ очевидно не знаетъ, что въ Московскомъ государствѣ мѣстнымъ воеводамъ вмѣнялось въ неуклонную обязанность производить періодическіе осмотры недорослямъ ввѣренныхъ имъ воеводствъ и что экстренные смотры (соединяемые съ процессомъ новичныхъ верстаній) отъ времени до времени производились или въ самой Москвѣ, или же лицами, спеціально для того присылаемыми изъ столицы. Не знаетъ авторъ очевидно и о двойномъ контролѣ надъ служилыми людьми Московскаго государства: съ одной стороны—Разряда, съ другой стороны—мѣстныхъ воеводъ, ведшихъ списки служилыхъ людей своихъ десятенъ и зорко слѣдившихъ за ихъ очередною городовою службою (такъ какъ служилые люди по извѣстной очереди обязаны были являться въ мирное время въ свой городъ для отбыванія разл. рода службъ). Странно и то, что авторъ забылъ о безпрестанныхъ войнахъ XVI и XVII вѣковъ, которыя, вмѣстѣ съ службами мирнаго времени, довели служилое сословіе до того разстройства матеріальнаго быта, на которое жаловалось оно на земскомъ соборѣ 1642 г. и при которомъ далеко не вкушало оно „привольнаго житья въ деревняхъ своихъ", сравнительно съ шляхетство первой половины XVIII-го столѣтія, которое такъ щедро представляетъ ему авторъ „Воцаренія имп. Анны Іоанновны". Наконецъ укажемъ невѣрность заявленія автора о томъ, будто Петръ В. „ввелъ" денежное жалованье въ качествѣ вознагражденія за службу; денежное жалованье было явленіемъ совершенно нормальнымъ и въ Московской Руси, предходя въ помѣстной системѣ, какъ основному виду вознагражденія за службу.

5) Пятымъ и послѣднимъ явленіемъ „образовавшимъ фактъ воцаренія Анны Іоанновны" выставляетъ Д. А. Корсаковъ „*отношенія русскихъ людей къ иноземцамъ*". Объ этихъ отношеніяхъ авторъ говоритъ еще на стр. II своего

введенія. Сущность изложенныхъ имъ здѣсь фразъ слѣдующая: послѣ смерти Петра В. родословные люди возстаютъ противъ иноземцевъ, явившихся къ намъ во время реформъ—возникаетъ борьба національная; при Екатеринѣ I—одерживаютъ побѣду новые русскіе люди и иноземцы, при Петрѣ II—родословные люди. Во время воцаренія Анны Ивановны родословные люди думаютъ побѣдить окончательно и новыхъ русскихъ людей и иноземцевъ—но навсегда проигрываютъ свое дѣло и иноземцы побѣждаютъ, а родословные люди „искореняются и гибнутъ". На стран. XII—XIII, гдѣ авторъ претендуетъ разсмотрѣть эти доводы частнѣе, мы находимъ повтореніе мыслей высказанныхъ г. Щебальскимъ, а главнымъ образомъ С. М. Соловьевымъ (Разсказы изъ русской исторіи XIII столѣтія, Рус. Вѣстн. 1861 г., т. XXXIII, стр. 25—26) о томъ, какъ Петръ, призвавъ въ Россію иноземцевъ, смотрѣлъ на нихъ только какъ на временныхъ учителей, не представляя имъ важныхъ государственныхъ мѣстъ и какъ впослѣдствіи, при его преемникамъ, значеніе иноземцевъ въ государственной жизни начинаетъ рости — и въ заключеніе передается, что „въ два года царствованія Екатерины все болѣе и болѣе развивается у русскихъ людей злоба противъ нѣмцевъ- проходимцевъ" и какъ эта злоба перешла въ открытый протестъ при Петрѣ II, выразившійся „въ переводѣ ребенка—императора въ *старую* Москву, гдѣ.... были сильны національныя русскія традиціи". Вотъ все, что найдемъ мы у автора по разсматриваемому вопросу. Невольно приходишь въ недоумѣніе: авторомъ такъ много хорошо и *художественно* сказано, а въ результатѣ — никакого вывода, никакого объясненія о вліяніи отношеній между русскими и иноземцами, въ качествѣ историческаго явленія, подготовившаго событія 1730 года. Замѣчательное искусство у нашего автора: много наговорить и въ сущности—ничего не высказать!

Разсмотрѣнными выше пятью рубриками—исчерпывается у автора „Воцаренія императрицы Анны Іоанновны" вся историческая подкладка его изслѣдованія. Авторъ считаетъ очевидно задачу свою съ честью выполненною въ этомъ отношеніи, и на стр. XIII доктринальнымъ тономъ заявляетъ: „Исчисленныя явленія и подготовили тѣ замыслы, которые выразились при воцареніи Анны Іоанновны. Замыслы эти

были *логическимъ результатомъ предъидущаго*, какъ является все въ исторіи, природѣ которой такъ-же чуждо явленіе случайное, какъ оно чуждо природѣ физической и нравственной, индивидуальной природѣ человѣка". Да, авторъ тысячу разъ правъ: природѣ исторіи чужды явленія случайныя,—онъ ихъ не знаетъ; она пытливо силится проникнуть причины каждаго явленія, она тщательно стремится подмѣтить связь даннаго историческаго факта съ явленіями предшествовавшей и послѣдующей исторической жизни народа. Вотъ почему всякая историческая тема, разработка которой претендуетъ на значеніе *научнаго труда*—должна быть построена на историческихъ основаніяхъ, а не представлять собою какой-то оазисъ въ исторіи, окруженный безотвѣтною пустынею, отказывающеюся отозваться на самые естественные и законные вопросы читателя. На сколько вѣренъ остался авторъ „Воцаренія импер. Анны Іоанновны" высказанному имъ воззрѣнію на значеніе историческихъ явленій, на сколько удовлетворительно освѣщены имъ съ исторической стороны событія 1730 года—предоставляемъ судить читателю. Мы лично вынесли изъ прочтенія этой части труда г. Корсакова то предположеніе—что ему самому не представляется достаточно яснымъ: *какимъ именно* образомъ даже ближайшія историческія явленія, разсмотрѣнныя имъ во введеніи, явились факторами подготовительными къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ воцареніе императрицы Анны Ивановны. Замыслы верховниковъ были, по словамъ автора, „логическимъ результатомъ предъидущаго". Въ этомъ не можетъ конечно быть ни тѣни сомнѣнія. Но болѣе нежели странною представляется та узкость, съ которою понимаетъ г. Корсаковъ выраженіе „предъидущее", ограничивая его промежуткомъ времени въ одно тридцатилѣтіе. Авторъ упорно и съ энергіею, достойною лучшаго примѣненія, отказывается искать это „предъидущее" за рубежомъ излюбленнаго имъ XVIII-го вѣка. Между тѣмъ, если бы авторъ обратился къ Руси Московской—онъ нашелъ бы въ исторіи государственной жизни ея явленія, весьма и весьма близко подходящія къ событію 1730 года. Въ этомъ отношеніи книга г. Корсакова представляетъ научный регрессъ даже въ сравненіи съ журнальною статьею г. Карновича. Въ статьѣ г. Карновича (см. стр. 229—239) читатель найдетъ указанія на попытки ме-

сковскаго боярства ограничить самодержавіе царей,—попытки, имѣвшія мѣсто въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ; еще раньше г. Карновича представилъ эти указанія проф. Н. А. Поповъ, во 2-й главѣ своего сочиненія „Татищевъ и его время",—главѣ, посвященной изложенію событій воцаренія Анны Ивановны: слѣдовательнв Д. А. Корсаковъ не можетъ отговориться новизною мысли о соотношенія событій XVI—XVII вв. и событія 1730 года. Г. Карновичъ, напримѣръ, весьма ясно указываетъ па это соотношеніе, заявляя: „Нерѣдко иные историки, возмущаясь какимъ либо фактомъ, любятъ указывать, между прочимъ, на его безпримѣрность. Подобный отзывъ слышался прежде и о событіяхъ 1730 года. Между тѣмъ, оказывается, что русскіе бояре были не прочь дѣйствовать при удобномъ случаѣ такъ, какъ дѣйствовали верховники". Далѣе г. Карновичъ приводитъ, хотя и въ весьма краткомъ изложеніи, указанія на отдѣльные случаи подобнаго образа дѣйствія бояръ. Слѣдовательно въ трудахъ предшественниковъ своихъ Д. А. Корсаковъ имѣлъ уже въ наличности мысль объ исторической связи стремленій верховниковъ 1730 г. съ стремленіями московскихъ бояръ XVI—XVII-го вѣковъ; весьма естественнымъ представлялось бы ожидать отъ автора „Воцаренія импер. Анны Іоановны" дальнѣйшаго развитія этой мысли, если онъ согласенъ ее допустить, или доказательствъ противъ этой мысли, если она противорѣчитъ научнымъ воззрѣніямъ автора. Между тѣмъ Д. А. Корсаковъ не предпринимаетъ ни того ни другаго. Избѣгая на пути историческаго труда своего дебрей XVI и XVII вѣковъ (въ которыхъ оказывается отъ такъ мало оріентированнымъ)—онъ храбро игнорируетъ эту сторону работъ своихъ предшественниковъ, и даже самаго г. Карновича, за которымъ такъ неудачно слѣдуетъ въ исторической части своего введенія. Этому игнорированію предшествовавшаго XVIII-мъ вѣку хода развитія русской государственной жизни — обязанъ авторъ не выдерживающею ни малѣйшей критики историческою подкладкою своего сочиненія. Между тѣмъ, обратись Д. А. Корсаковъ къ явленіямъ русской исторіи XVI—XVII вѣковъ—онъ нашелъ бы въ нихъ много условій, объясняющихъ попытку верховниковъ ограничить самодержавіе Анны Ивановны, нашелъ бы историческое объясненіе причины неудачи этой попытки, и, вслѣдствіе этого, историческія причины событія 1730 г. представились бы ему

болѣе глубокими и болѣе серьезными, чѣмъ какія то отношенія между рускими и иноземцами, неопредѣленность правъ шляхетства, непредѣленность престонаслѣдія и т. п. *мнимыя „причины“* обстоятельствъ, сопровождавшихъ воцареніе импер. Анны Ивановны.

Размѣръ настоящей статьи не дозволяетъ намъ распространяться о поставленномъ нами вопросѣ съ тою подробностью, какой заслуживаетъ историческая важность его, тѣмъ болѣе, что мы не разъ имѣли уже случай печатно высказывать наши воззрѣнія на отношенія боярства къ самодержавію въ теченія XVI—XVII вѣковъ развитія русской исторической жизни (¹). Поэтому, въ настоящую минуту, мы позволимъ себѣ лишь въ краткомъ очеркѣ изложить историческія явленія XVI—XVII вѣковъ, являющіяся, по нашему убѣжденію, истинными *историческими* причинами событій сопровождавшихъ воцареніе Анны Ивановны. Съ этою цѣлью должны мы углубиться до самаго начала XVI-го вѣка, до той эпохи, когда, по присоединеніи къ Москвѣ послѣднихъ, сохранявшихъ еще свою самобытность, волостей русскихъ— завѣнчана была централизаціонная политика государей Московскихъ. Московское государство выясняетъ теперь будущую физіономію свою; выясняется и характеръ власти государей его. Эта власть—единодержавная и самодержавная. Обстоятельства, возвысившія самодержавіе,—повлекли за собою съ другой стороны умаленіе значенія высшихъ представителей служилаго класса, значенія, которое особенно сильно проявлялось въ Думѣ Боярской. Уже в. к. Василій Ивановичъ не только до крайности стѣсняетъ кругъ активныхъ совѣтниковъ своихъ въ Думѣ, но стремится искоренить свободу мысли и слова думцевъ своихъ, преслѣдуя послѣднихъ за „встрѣчи“, за высказываніе мнѣній, несогласныхъ съ мнѣніемъ государя. Московская служилая аристократія далеко не равнодушно относилось ко все большему и большему умаленію вліянія ея на государственное управленіе, вліянія, которое въ предшествовавшемъ періодѣ въ такой широкой мѣрѣ предоставлялось дружинникамъ княжескимъ. Не могло

(¹) См. мои «Очерки орган. и происх. служилаго сословія въ до—Петровской Руси» (Каз., 1875), стр. 108—112; «Исторія права Москов. государства», т. I, (К. 1877), стр. 143—151, т. II, вып. 1-й (К. 1879), стр. 22—39.

быть московской служилой аристократіи по—сердцу и возвышеніе, съ одной стороны—новыхъ служилыхъ родовъ (¹), съ другой стороны—служилыхъ выходцевъ изъ чужихъ земель (²). Такимъ образомъ Д. А. Корсаковъ, ознакомившись короче съ исторіею Московскаго государства, безъ сомнѣнія увидалъ бы, что борьба людей родословныхъ съ людьми неродословными, выдвигаемыми въ силу начала личной заслуги, а съ другой стороны, борьба туземныхъ служилыхъ родовъ съ родами выѣхавшими изъ чужихъ земель—знакомы были и предшествующему періоду, слѣдовательно пріурочиваніе этой борьбы *„общественной* и *національной“* (какъ называетъ ее авторъ) къ эпохѣ „активной реакціи“ противъ Петровскихъ новшествъ и возведеніе ее къ числу историческихъ *причинъ* событія 1730 года—ошибка автора, указывающая на крайнюю шаткость исторической почвы подъ его ногами. Недовольство родословныхъ людей вводимымъ московскими государями новымъ режимомъ государственной жизни—сдѣлается особенно понятнымъ для насъ, если мы вспомнимъ, изъ какихъ элементовъ составлялась московская служилая аристократія: здѣсь на первомъ планѣ стояли потомки удѣльныхъ князей—Рюриковичей, представители княжескихъ родовъ, недавно бывшихъ еще владѣтельными, но волею—неволею склонившихся передъ всесокрушающею централизаціонною политикою великихъ князей Московскихъ (³).

(¹) Вспомнимъ укоръ кн. Курбскаго: «Писари же ваши русскіе, имъ же князь великій зѣло вѣритъ и избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго рода, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ или отъ простаго всенародства,—а то *ненавидячи творитъ вельможъ* своихъ». Такъ жаловался въ третьей четверти XVI-я ст. представитель «родословныхъ людей» того времени! См. также мою: «Исторію права Моск. государ., т. II, вып. I, стр. 27 и слѣд.

(²) Вспомнимъ предсмертный наказъ в. к. Василія Ивановича боярамъ: «Приказываю вамъ Михаила Львовича Глинскаго: человѣкъ къ намъ пріѣзжій,—*и вы бы того не молвили, что онъ пріѣзжій*, держите его за здѣшняго уроженца, *занеже мнѣ онъ прямой слуга*». См. также мои: «Очерки орган. и происх. служилаго сословія въ до—Петровской Руси», стр. 128—129.

(³) Такъ въ 1505 г., при вступленіи на престолъ в. к. Василія Ивановича, изъ 20 бояръ и окольничихъ—11 лицъ были представителями княжескихъ родовъ, лишь незадолго до того утратившихъ свою независимость. Въ моментъ смерти этого государя, изъ 21 боярина и окольничаго—13 лицъ были представителями родовъ князей—Рюриковичей. См. мою: «Исторію права Моск. госуд.», т. II. вып. I., стр 26—27.

Недовольство служилой аристократіи существующимъ порядкомъ вещей и стѣсненіемъ ея политическаго значенія скоро переходитъ въ болѣе или менѣе открытую реакцію: она выражается, съ одной стороны—въ образованіи при дворѣ оппозиціонной партіи недовольныхъ, съ другой стороны—въ усиливающейся до чрезвычайныхъ размѣровъ эмиграціи въ Литву. Партія недовольныхъ пробовала стать въ оппозицію государямъ въ Думѣ Боярской: но государи московскіе изгоняютъ недовольныхъ изъ Думы своей и не стѣсняются обсуждать всѣ государственныя дѣла „самъ третей у постели". Туго приходилось нерѣдко и лицамъ, пытавшимся эмигрировать за рубежъ: права отъѣзда уже не существовало болѣе для служилыхъ людей, фактическіе же отъѣзды объявляются теперь государственною измѣною: бѣглецовъ преслѣдуютъ, хватаютъ, возвращаютъ обратно въ Москву, заключаютъ въ тюрьмы и конфискуютъ ихъ имущества. Конецъ XV-го вѣка и первыя три четверти XVI-го вѣка—могутъ быть представлены эпохою открытой борьбы служилой аристократіи съ усилившимся абсолютизмомъ. Если родословнымъ людямъ и была какая либо возможность ограничить самодержавіе на началѣ аристократическомъ—эта возможность должна быть относима именно къ этой эпохѣ. Особенно благопріятныя для боярства обстоятельства сложились послѣ смерти в. к. Василія Ивановича, когда, въ виду малолѣтства в. к. Іоанна IV-го, правленіе государствомъ сосредоточилось въ Думѣ Боярской. Наступилъ повидимому моментъ, удачно пользуясь которымъ, боярство могло бы востановить утраченное значенія свое и сдѣлать Думу Боярскую орудіемъ ограниченія самодержавія. Но московское боярство не только не съумѣло воспользоваться этимъ моментомъ, оно не съумѣло даже оставаться на высотѣ задачи своей—олицетворять правительство при ребенкѣ—государѣ. Въ средѣ боярства возникаетъ рознь, борьба изъ за первенствующаго значенія,—каждый родъ стремится „засѣсть" другіе роды, каждый родъ стремится захватить въ свои руки какъ можно болѣе значенія и власти, каждый изъ правителей стремится какъ можно болѣе поживиться на счетъ казны и народа. Интересы государства и земщины были при этомъ въ полнѣйшемъ пренебреженіи: намѣстники грабили и притѣсняли народъ, свирѣпствуя „аки львы", въ областяхъ страшно усилились разбои, съ которыми съ успѣхомъ конкурировали по степени

наносимаго земщинѣ зла дѣятельность сыщиковъ, разосланныхъ для искорененія разбойниковъ, народъ изнывалъ подъ тягостью податей и другихъ повинностей,—и четырнадцатилѣтній періодъ боярскаго правленія на столько „поисшаталъ" весь жизненный строй русской земли, что молодой царь Іоаннъ увидѣлъ себя вынужденнымъ принять самыя дѣятельныя мѣры къ „исправленію" государственнаго и земскаго „наряда" русской земли. Но эта задача была не легка: благодаря предшествовавшимъ условіямъ русской жизни—земщина стала въ оппозицію государству. Надо было прежде всего примирить земщину и государство; для этого Іоанну надо было умалить значеніе боярства, стремившагося стать твердою стѣною между государемъ и народомъ—и найти средство непосредственнаго общенія съ народомъ. Отсюда—*начало земскихъ соборовъ*; первый земскій соборъ созванъ былъ немедленно послѣ освобожденія себя Іоанномъ изъ подъ гнета боярскаго вліянія.

Стоитъ только припомнить рѣчь молодаго царя, произнесенную съ лобнаго мѣста при открытіи земскаго собора 1648 или 1649 года и исторію послѣдующихъ земскихъ соборовъ—что-бы понять, что этотъ первый земскій соборъ былъ возвышеннымъ, торжественнымъ и глубоко-трогательнымъ актомъ союза царя съ землею, съ устраненіемъ посредствующаго и вреднаго вліянія боярства, союза на долго предопредѣлившаго отношенія русскаго царя и русскаго народа. *Первый* земскій соборъ призналъ за *первымъ* московскимъ царемъ полное и неограниченное самодержавіе, перенеся послѣднее съ почвы факты на почву права. Въ послѣдующія времена, въ тяжелыя, трудныя годины государственной жизни, уже не къ боярству обращаются государи за содѣйствіемъ, а къ самому народу, къ самой земщинѣ, въ лицѣ ея представителей, — и послѣдніе довѣрчиво и смѣло высказывали государямъ свои мысли, желанія и предположенія. Само собою разумѣется, что боярство, увидя духовное единеніе царя съ землею—должно было съ этой минуты почувствовать себя изолированнымъ классомъ и потерять надежду на возможность осуществленія въ будущемъ своихъ политическихъ стремленій, тѣмъ болѣе что къ земщинѣ примкнули и всѣ низшіе разряды служилаго сословія. Царь Іоаннъ не остановился на достигнутыхъ имъ результатахъ, не удовлетворился сознаніемъ того, что „нынѣ Богъ боронилъ его" отъ

бояръ,—какъ выражался царь послѣ покоренія Казани, не удовлетворился онъ и кровавою борьбою съ служилою аристократіею. Онъ идетъ еще далѣе: онъ демократизируетъ, на сколько возможно, эту Думу Боярскую; таково значеніе учрежденія чина думнаго дворянина и введенія въ Думу въ качествѣ активныхъ членовъ дьяковъ — первоприсутствующихъ приказовъ (думные дьяки. Царь Іоаннъ достигъ рѣшительной побѣды надъ политическими тенденціями боярства: значеніе боярства было надломлено и Дума Боярская осталась исключительно совѣщательнымъ учрежденіемъ, съ значительно умѣреннымъ аристократическимъ характеромъ. Боярство поняло, что дѣло его проиграно—и отказывается отъ всякихъ попытокъ *открыто* протестовать противъ самодержавія, хотя представители отдѣльныхъ боярскихъ родовъ не забываютъ и впослѣдствіе „политическихъ умопачертаній", всосанныхъ ими съ молокомъ матерей своихъ. И мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ перенесенія боярствомъ этихъ затаенныхъ „умопачертаній" на почву дѣйствительной жизни и въ послѣдующія времена,—но эти послѣдующія попытки встрѣчаются лишь при обстоятельствахъ исключительныхъ,—именно при избраніи на сдѣлавшійся вакантнымъ Московскій престолъ царей изъ новыхъ династій. При нормальномъ теченіи государственной жизни, при наличности на престолѣ государя—боярство не дѣлало попытокъ ограничить собою самодержавіе,—и это вполнѣ понятно: оно не могло найти почвы, на которую могло бы опереться въ своей борьбѣ съ самодержавіемъ, почву, какую находила, напримѣръ, при подобныхъ обстоятельствахъ англійская аристократія, опиравшаяся на второстепенное дворянство и на народныя массы. Не говоря уже о томъ, что наша боярская „аристократія" никогда не была сколько нибудь значительна, не говоря уже о томъ, что она никогда не была внутренно сплочена, но, напротивъ, враждовала отдѣльными родами и раздиралась мѣстническими спорами — мы не можемъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что она не находила поддержки, ни въ низшихъ чинахъ служилыхъ людей, примыкавшихъ болѣе къ земщинѣ, нежели къ ней, ни въ самой земщинѣ; ни съ служилыми людьми низшихъ чиновъ, ни съ земщиною — не соединяла ихъ никакая солидарность, ни духовная, ни матеріальная. Народныя массы не симпатизировали эгоистическимъ стремленіямъ боярства; ни служилые люди, ни земщина—не могли согласиться проживать

абсолютизмъ царя на абсолютизмъ и олигархію нѣсколькихъ боярскихъ родовъ, не могло желать видѣть надъ собою „вмѣсто одного государя столько тирановъ, сколько членовъ въ совѣтѣ,“ какъ выразилъ саксонскій посланникъ Лефоръ опасенія шляхетства по поводу замысловъ верховниковъ 1730-го года (¹). Укажемъ теперь, почерпаемые изъ исторіи XVI-го—XVII-го вѣковъ, примѣры попытокъ боярства ограничить самодержавіе государей, вновь возводимыхъ на московскій престолъ. Первый примѣръ подобнаго рода относится уже къ 1598 году, когда, послѣ смерти бездѣтнаго царя Ѳеодора Ивановича—пресѣкся домъ Рюрика и престолъ остался вакатнымъ. Бояре задумали воспользоваться наступившимъ междуцарствіемъ и устроить государство по своимъ завѣтныхъ планахъ. Въ Кремлѣ было большое народное сборище по поводу отреченія отъ престола вдовствующей царицы Ирины: и вотъ къ народу выходитъ клевретъ бояръ, печатникъ Василій Щелкаловъ, и предлагаетъ цѣловать крестъ Думѣ Боярской. *„Не знаемъ ни князей, ни бояръ*— раздались возгласы изъ среды народа—знаемъ только царицу; мы ей дали присягу и другой не дадимъ никому.“ Переговоривъ съ боярами, В. Щелкаловъ вторично выходитъ къ народу съ тѣмъ же предложеніемъ, заявивъ о категорическомъ отказѣ отъ престола Ирины; новый отказъ народа въ присягѣ боярамъ— и провозглашеніе въ цари брата вдовствующей царицы, боярина Бориса Годунова. Бояре и при этомъ оборотѣ дѣла не пали духомъ, задумавъ принудить Годунова присягнуть на ограничивающей самодержавіе грамотѣ. Борисъ узнаетъ объ этой „затѣйкѣ“ боярства— и, притворно отказываясь отъ предлагаемаго престола, выжидаетъ утвержденія себя земскимъ соборомъ, который и избралъ его на царство съ полнымъ, неограниченнымъ, самодержавіемъ.

Вторая подобнаго же рода попытка бояръ относится къ 1606 году, когда, послѣ свержепія Самозванца, избранъ былъ на царство бояринъ князь Василій Шуйскій. Ему также предложены были боярами ограничительныя условія, въ силу принятія которыхъ новый царь обратился въ соборѣ съ слѣдующими словами къ народу: „По Божію изволенію и по вашему прошенію я избранъ на престолъ Московскаго госу-

(¹) См. диссерт. Д. А. Корсакова, стр. 92.

дарства и нарѣченъ отъ всѣхъ царемъ... Я цѣлую крестъ на томъ, что не стану никому мстить за минувшее и не стану *никого судить и наказывать безъ боярскаго приговора!*" Въ отвѣтъ на эти торжественныя слова, изъ среды удивленнаго народа раздались протестующіе возгласы: „Никогда не творилось у насъ такого, не затѣвать новаго государства (¹)"!

Въ эпоху смутнаго времени былъ, какъ извѣстно, призываемъ московскими боярами на русскій престолъ польскій королевичъ Владиславъ. Ему также предложены были ограничивающія самодержавіе его условія, текстъ которыхъ счастливымъ образомъ сохранился до нашихъ дней; условія эти слѣдующія: 1) держать по достоинствамъ *бояръ* и всякихъ чиновъ людей Московскаго государства; 2) не тѣснить и не принижать въ чести московскіе *княжескіе и боярскіе роды* передъ пріѣзжими иноземцами; 3) измѣненія въ законодательствѣ производить не иначе, какъ по совѣщанію *съ боярами* и всею землею; 4) безъ *боярскаго суда и приговора* не казнить смертью, не посылать въ заточенье и не конфисковать имуществъ и 5) не набавлять податей и налоговъ и не вводить новыхъ *безъ вѣдома бояръ*. Королевичъ Владиславъ фактически не царствовалъ и слѣдовательно эти условія, или „пункты" (какъ сказали бы бояре XVIII-го вѣка), не перешли съ бумаги въ дѣйствительную жизнь; тѣмъ не менѣе они служатъ живымъ памятникомъ боярскихъ тенденцій начала XVII-го вѣка (²).

Существуютъ указанія, что и при избраніи въ 1612 году на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова бояре имѣли въ виду поднять свое политическое значеніе и что, въ видахъ послѣдняго, сильно расчитывали на его молодость и неопытность. Котошихинъ, современникъ царя Алексѣя Михайловича, прямо свидѣтельствуетъ, что при избраніи царей брались отъ нихъ записи, — „что имъ быть не жестокимъ и непальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнити

(¹) Не напоминаетъ ли этотъ протестъ возгласъ, раздавшійся въ 1730 г., въ засѣданіи 2-го февраля: «Не вѣдаю и весьма чудуюсь, отъ чего на мысль пришло Государынѣ такъ писать!» (см. книгу Д. А. Корсакова, стр. 123).

(²) Предоставляемъ самимъ читателямъ сопоставить эти условія съ пунктами, предложенными Аннѣ Ивановнѣ.

ни за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ *съ бояры и съ думными людьми* сопча, а *безъ вѣдомости ихъ* тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати." Нельзя наконецъ не отмѣтить и еще одного, въ высшей степени смѣлаго и честолюбиваго, замысла московскаго боярства, относящагося уже къ послѣдней четверти XVII-го столѣтія: при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ (дядѣ императрицы Анны Ивановны) бояре имѣли въ виду раздѣлить между собою всю русскую землю на наслѣдственныя намѣстничества, введя въ титулы свои названія подвластныхъ имъ областей.

И такъ еще отъ XVI-го и XVII-го столѣтій имѣемъ мы примѣры попытокъ бояръ ограничить самодержавіе государей. Попытки эти не увѣнчивались успѣхомъ,—не увѣнчивались именно потому, что бояре дѣйствовали въ своихъ личныхъ, олигархическихъ интересахъ, а вслѣдствіе этого не находили себѣ опоры, ни въ низшихъ разрядахъ служилыхъ людей (будущее шляхетство первой половины XVIII стол.), ни въ народныхъ массахъ.

Уже поверхностное сравненіе приведенныхъ нами попытокъ московскаго боярства съ попыткою верховниковъ 1730-го года—невольно бьетъ въ глаза ихъ сходствомъ и несомнѣнною историческою связью, съ тою только разницею, что о первыхъ имѣется пока въ нашемъ распоряженіи весьма небольшое число данныхъ, и что бояре 1730-го года замышляли свои „затѣйки" въ пудреныхъ парикахъ и нѣмецкихъ кафтанахъ, взамѣнъ горлатныхъ шапокъ и парчевыхъ охабней своихъ отцевъ и дѣдовъ, хотя сердца и тѣхъ и другихъ волновались одними и тѣми же расчетами, одними и тѣми же мечтами и пожеланіями—„какъ бы себѣ воли прибавить" и поднять утраченное политическое значеніе свое.

Иной вопросъ — согласенъ или не согласенъ Д. А. Корсаковъ съ нашимъ воззрѣніемъ на историческую связь событія 1730 года съ попытками бояръ XVI-го и XVII-го вѣковъ, но страннымъ представляется во всякомъ случаѣ тотъ фактъ, что авторъ, самъ заявившій въ началѣ книги своей, что замыслы верховниковъ были „логическимъ результатомъ предъидущаго, какъ является все въ исторіи, природѣ которой чуждо явленіе случайное"—*ни единымъ словомъ* не помянулъ въ своемъ „историческомъ этюдѣ" о приведенныхъ нами попыткахъ бояръ ограничить самодержавіе московскихъ царей и въ этомъ отношеніи отсталъ даже отъ журнальной

статья г. Карновича! А болѣе обстоятельное ознакомленіе съ исторіею Московской Руси дало бы автору возможность не ограничиваться, выставленными имъ на страницѣ III-ей и заимствованными у г. Карновича, пятью *мнимыми* „причинами" (!) событій, которыми сопровождалось воцареніе императрицы Анны Ивановны.

Мы быть можетъ слишкомъ долго останавливались на исторической части (стр. I—XIII) книги Д. А. Корсакова. Но да извинятъ намъ это и читатели и самъ почтенный авторъ „Воцаренія императрицы Анны Іоанновны". Вопросъ на столько серьезенъ, что вскользь обойти его невозможно. Самыя событія воцаренія Анны Ивановны уже не разъ излагались въ литературѣ весьма подробнымъ образомъ и г. Корсаковъ мало прибавилъ въ изложеніи ихъ позднѣе. Не знаемъ какъ другія лица, занимающіяся русскою исторіею,—но мы лично расчитывали увидѣть въ сочиненіи Д. А. Корсакова *именно* историческое освѣщеніе этого вопроса, которое и составляло открытую сторону вопроса. Авторъ же „Воцаренія императрицы Анны Іоанновны" не только не внесъ ничего новаго въ эту сторону вопроса, но ухитрился, какъ мы видѣли выше, затемнить даже и то немногое, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи его предшественниками.

Разсматривавшаяся нами до сихъ поръ историческая часть труда Д. А. Корсакова—составляетъ предметъ содержанія первой половины введенія. Вторая половина его посвящена „обзору источниковъ и литературы" вопроса, составляющаго предметъ содержанія книги г. Корсакова. Здѣсь авторъ, перечисляя *источники*, положенные имъ въ основу диссертаціи его, разсматриваетъ ихъ въ двухъ большихъ группахъ: источники отечественные и источники иноземные. Первая группа, въ свою очередь, разбита авторомъ на двѣ рубрики: а) документы, оффиціальныя записки и различнаго рода акты и в) записки русскихъ современниковъ. Здѣсь авторъ перечисляетъ и тѣ матеріалы, которыми воспользовался онъ во время занятій своихъ въ архивахъ: Государственномъ, Сенатскомъ, Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и въ архивѣ Свят. Синода. За обозрѣніемъ источниковъ, авторъ указываетъ литературу вопроса о воцареніи императрицы Анны Ивановны.

Этимъ считаемъ мы возможнымъ заключить разсмотрѣніе введенія къ изслѣдованію Д. А. Корсакова.

II.

Самое изложеніе событій, сопровождавшихъ воцареніе Анны Ивановны, авторъ раздѣляетъ на десять главъ. Имѣя въ виду оцѣнку труда Д. А. Корсакова преимущественно съ точки зрѣнія исторической подкладки его, а также принимая въ соображеніе разростающіеся размѣры нашей статьи,— мы постараемся сдѣлать наше дальнѣйшее изложеніе по возможности краткимъ и ограничимся лишь указаніемъ важнѣйшихъ и наиболѣе бьющихъ въ глаза заблужденій и ошибокъ автора.

Первая глава изслѣдованія Д. А. Корсакова (стр. 1—18) посвящена изложенію событій 19 января 1730 года. Здѣсь авторъ описываетъ всеобщую тревогу, вызванную въ столицѣ смертью Петра II-го, совѣщаніе верховниковъ въ ночь кончины императора, результатомъ котораго явилось рѣшеніе призвать на престолъ герцогиню Курляндскую Анну Ивановну, исторію составленія ограничительныхъ пунктовъ и отправленія въ Митаву депутаціи для врученія Аннѣ Ивановнѣ письма объ избраніи ея на престолъ и составленныхъ въ виду ограниченія ея самодержавія „кондицій“. Здѣсь излагаются авторомъ „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“ событія, извѣстныя прежнимъ изслѣдователямъ того же вопроса и, въ особенности, покойному проф. С. М. Соловьеву (въ XIX мъ томѣ его „Исторіи Россіи“), почерпавшему свои данныя изъ дѣлъ того же Государственнаго Архива, въ которомъ собиралъ между прочимъ матеріалы для своего труда и Д. А. Корсаковъ. Правда, что Д. А. Корсакову удалось почерпнуть въ дѣлахъ Государственнаго Архива нѣсколько подробностей, касающихся происшествія 19 января 1730 года и исторіи составленія ограничительныхъ пунктовъ; но эти подробности не могутъ быть признаны настолько существенными, чтобы пролить какой бы то ни было новый свѣтъ на эти событія.

Вторая глава—„Верховники и главнѣйшіе ихъ противники изъ генералитета и Синода“ (стр. 19—57)—имѣетъ

свое.о задачею представить характеристику лицъ, игравшихъ наиболѣе выдающіяся роли въ событіяхъ, сопровождавшихъ воцареніе Анны Ивановны. Мысль представить характеристики этихъ лицъ—не новость въ литературѣ вопроса; попытку осуществленія ея находимъ мы въ цитированной уже нами статьѣ г. Карповича (стр. 235 и слѣд.). Д. А. Корсаковъ простеръ выполненіе подобной попытки несравненно далѣе, представивъ на 32 страницахъ своего труда (стр. 25—57) характеристики 16 лицъ, причастныхъ къ событіямъ 1730 года. Мы не предпринимали конечно египетской работы провѣрки всѣхъ данныхъ, приводимыхъ здѣсь Д. А. Корсаковымъ, хотя и не можемъ воздержаться отъ выраженія нѣкотораго недовѣрія къ безусловному пользованію такими источниками, какими является „Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ", почтенный, но слишкомъ устарѣвшій „Словарь достопамятныхъ людей" „Бантышъ—Каменскаго" и наконецъ различнаго рода изданія нѣмецкой и французской стряпни. Кстати нѣсколько словъ объ опасности пользованія послѣдними, къ которому такъ склоненъ авторъ „Воцаренія импер. А. И." На стр. 22-й (второй главы сочиненія) Д. А. Корсаковъ рекомендуетъ книгу A. Kleinschmidt'a: „Russlands Geschichte und Politik dargestellt in der Geschichte des russischen Adels (Cass l 1877), какъ толковый сводъ свѣдѣній о замѣчательныхъ русскихъ фамиліяхъ, весьма „пригодный и удобный" для справокъ. Между тѣмъ одинъ изъ почтенныхъ корифеевъ русской исторической науки, проф. К. Н. Бестужевъ—Рюминъ, въ своей библіографической замѣткѣ о книгѣ Д. А. Корсакова (Журн. М. Нар. Пр. 1880 г., № 6), упрекая автора въ придаваніи слишкомъ большаго значенія книгѣ Клейншмидта, говоритъ, что, справляясь съ нею, былъ несчастливѣе г. Корсакова и встрѣчалъ здѣсь „*только недоразумѣнія*, чтобы выразиться *повѣжливѣе*".

Въ разсматриваемой части своего изложенія, Д. А. Корсаковъ останавливаетъ главное вниманіе свое на князьяхъ Долгорукихъ и Голицыныхъ, какъ явившихся главными дѣятелями описываемаго имъ событія. Главными дѣятелями явились они здѣсь „не произвольно и не случайно", — заявляетъ авторъ, и затѣмъ продолжаетъ далѣе: „Ихъ *происхожденіе*, ихъ жизнь—воспитали въ нихъ ту политическую роль, которую они разыграли 19 января. Ихъ политическія задачи складывались постепенно, изъ рода въ родъ, переходя

по наслѣдію отъ предковъ.... они по природѣ (?) своей не могли отрѣшиться отъ умоначертанія этихъ предковъ, они были плоть отъ плоти, кость отъ кости, Голицыныхъ и Долгоруковыхъ XVII-го вѣка.“ Съ тѣмъ чтобы лучше понять стремленія Долгорукихъ и Голицыныхъ 1730 года – авторъ обращается къ участію предковъ ихъ въ политической жизни XVII-го вѣка, съ цѣлью выясненія жившихъ съ сердцахъ дѣятелей 1730 г. „традицій родословности, заставлявшихъ родословныхъ людей идеализировать политическій быть московской, до — петровской, Руси (см. страницу 280-ю).“ И такъ авторъ утверждаетъ, что участіе родословныхъ людей въ событіяхъ 1730 года— результатъ идеализированія ими политическаго быта московской Руси, другими словами, родословные люди 1730 года преслѣдовали тѣже политическіе идеалы, какіе преслѣдовало боярство XVI—XVII вѣковъ. Привѣтствуемъ эту мысль, хотя и высказанную авторомъ въ послѣдней главѣ книги, какъ бы случайно, ненарокомъ, мысль совершенно согласную съ нашими собственными воззрѣніями на истинную историческую причину попытки 1730 года, воззрѣніями, высказанными выше. Что-бы автору раньше остановиться на этой мысли и хорошенько развить ее, отбросивъ въ сторону „пассивныя и активныя“ реакціи, „конъюнктуры“, „тестаменты“, „общественную и національную“ борьбу, неопредѣленность престолонаслѣдія, личныя качества предшественниковъ и т. п. мнимыя историческія *причины* событія 1730 года, выхваченныя изъ статьи г. Карновича и изложенныя авторомъ въ первой половинѣ введенія. Что-бы автору серьезно отнестись къ предпринятой имъ экскурсіи въ область московской Руси и, выполняя свое обѣщаніе, *дѣйствительно* показать намъ, каковы были *идеалы и политическія умоначертанія* русскихъ родословныхъ людей XVI и XVII вѣковъ. Но авторъ остается при одномъ обѣщаніи дать намъ подобныя указанія, представляя намъ на стр. 20—24 лишь послужные списки и самыя общія характеристики нѣсколькихъ Долгорукихъ и Голицыныхъ XVII-го вѣка (¹).

(¹) Въ родѣ того, что одинъ изъ нихъ «отличался суровымъ нравомъ и страшною жестокостью», другой, идеализированный семейными преданіями, «человѣкомъ прямаго, твердаго и независимаго характера», третій «человѣкомъ очень рѣдкихъ умственныхъ способностей и замѣчательнаго для своего времени образованія» и т. п.

Такъ, напримѣръ, изъ изложенія Д. А. Корсакова читатель узнаетъ, что изъ Долгорукихъ одинъ защищалъ Троице—Сергіеву Лавру отъ поляковъ, другой былъ сторонникомъ избранія на престолъ Михаила Θеодоровича, третій былъ замѣчательнымъ криминалистомъ (?!), техникомъ — артиллеристомъ, администраторомъ и полководцемъ, четвертый былъ въ такомъ то году отправленъ посломъ въ такое то государство или участвовалъ въ такомъ то походѣ,—но самаго главнаго, именно *идеаловъ и политическихъ умоначертаній* этихъ родословныхъ людей XVII-го вѣка, переданныхъ ими ихъ потомкамъ XVIII-го вѣка, тщетно стали бы мы искать въ „Воцареніи имп. Анны Іоанновны". Но и въ этихъ „послужныхъ спискахъ" родословныхъ людей XVII-го вѣка можно указать у Д. А. Корсакова нѣсколько весьма наивныхъ заблужденій. Таково, напримѣръ, заявленіе его на стр. 24-й о томъ, что кн. В. В. Голицыну удалось провести въ жизнь лишь одну „сравнительно—*незначительную* (!) реформу—уничтоженіе мѣстничества" (показывающее малое знакомство автора съ внутреннимъ бытомъ московскаго служилаго сословія и съ исторіею уничтоженія мѣстничества). Таково заявленіе автора о томъ, что кн. Б. А. Голицынъ былъ по интригамъ Нарышкиныхъ „сосланъ въ почетную *ссылку*: онъ назначенъ судьею Приказа Казанскаго Дворца и тридцать лѣтъ управлялъ обширными землями бывшихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго (стр. 24-я)." Предполагая, что назначеніе судьею областнаго приказа—есть ссылка, авторъ выказываетъ очевидное незнакомство съ самымъ понятіемъ приказовъ; онъ очевидно не знаетъ, что областные приказы находились въ Москвѣ; онъ думаетъ, что Приказъ Казанскаго Дворца—находился въ Казани, Сибирскій—въ Сибири, Малороссійскій—въ Малороссіи и т. д. Назначеніе же извѣстнаго лица на правительственный постъ въ столицѣ—никто не рѣшится конечно назвать ссылкою. Я берусь, напротивъ, доказать автору, что упомянутое назначеніе кн. Голицына не было не только ссылкою, но не было вообще наказаніемъ: оно было для него даже отличіемъ. Князь Б. А. Голицынъ назначенъ былъ въ Приказъ Казанскаго Дворца въ 1684 году (послѣ кн. Я. Н. Одоевскаго), и притомъ назначенъ былъ первоприсутствующимъ этого приказа (вторымъ присутствующимъ былъ въ этомъ году думный дво-

ряпникъ В. Ѳ. Извольскій (¹). Въ теченіи предшествовавшихъ 65 лѣтъ (съ 1619 года, съ этого года это по крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно), должность первоприсутствующаго Приказа Казанскаго Дворца замѣщалась *исключительно* лицами, находившимися въ высшемъ чинѣ *боярина* (²),—князь же Б. А. Голицынъ получилъ начальство надъ этимъ важнымъ приказомъ будучи 30 лѣтъ и находясь лишь въ чинѣ *кравчаго* (бояриномъ значится онъ въ записныхъ книгахъ только съ 1692 года) (³): предоставляемъ автору самому судить, на сколько упомянутое имъ назначеніе было не только ссылкою, но хотя бы даже легкимъ наказаніемъ. Изъ только что высказаннаго нами, авторъ можетъ легко видѣть, къ чему можетъ привести слѣпое пользованіе такими устарѣвшими для нашего времени источниками, какимъ является „Словарь" Бантышъ—Каменскаго. Переходя къ характеристикамъ родословныхъ людей—участниковъ событій 1730 года, авторъ и здѣсь оставляетъ желать большей тщательности и обдуманности въ выводахъ. Странное впечатлѣніе оставляетъ напр. характеристика самаго рьянаго изъ верховниковъ—князя *Дмитрія Михайловича Голицына* (стр. 34-я), занимающая цѣлыя пять страницъ, на которыхъ авторъ приписываетъ ему массу различныхъ качествъ и недостатковъ, нерѣдко въ весьма общихъ выраженіяхъ, не доказывая выставляемыхъ имъ положеній и не указывая тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ они почерпнуты. Нѣсколько страннымъ и вызывающимъ невольную улыбку является здѣсь и сравненіе Д. М. Голицына съ Иваномъ III и Иваномъ Грознымъ потому только, что онъ „былъ очень гордъ и надменнъ, обожалъ власть и не любилъ противорѣчій". Не менѣе страннымъ представляется и помѣщеніе авторомъ (на стр. 35-й) Макіавелли—въ число корифеевъ европейской мысли первой половины XVIII-го вѣка. Но что особенно поражаетъ читателя въ характеристикѣ Д. М. Голицына—это понятіе автора объ аристократизмѣ „въ лучшемъ

(¹) Записная книга Московскаго стола Разряднаго приказа № 22 (листы 1—14) въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

(²) Записныя книги Моск. стола Разряднаго приказа съ 1619 по 1684 годъ, въ Моск. Архивѣ Министерства Юстиціи (см. первые листы этихъ книгъ, гдѣ находятся списки личнаго состава приказовъ).

(³) Дворц. Разряды. IV. ст. 726.

смыслѣ этого слова". Заявляя (на стр. 37-й), что Д. М. Голицынъ „былъ *аристократъ* въ лучшемъ смыслѣ этого слова", авторъ вслѣдъ за тѣмъ объясняетъ, почему признаетъ онъ за этимъ лицемъ такое качество: „происходя отъ Литовскаго в. к. Гедимина въ 14-мъ колѣнѣ (вставка совершенно лишняя и стоящая внѣ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ), онъ былъ глубоко убѣжденъ, что *аристократическій режимъ есть единственно благотворный для общаго блага Россіи* и искренно стремился къ достиженію этого *блага*". Не знаю какъ другіе читатели, но я прочелъ это мѣсто съ глубоко—скорбнымъ сознаніемъ, что подобное profession de foi высказано представителемъ русской исторической науки. Г. Корсакову, какъ русскому историку, слѣдовало бы знать, что русская земля—государство неаристократическое по самымъ историческимъ условіямъ своей жизни, что аристократіи въ европейскомъ смыслѣ этого слова у насъ никогда не было, нѣтъ и не можетъ быть, потому-что въ жизни русскаго народа никогда не было на лице условій, выдвинувшихъ аристократію въ государствахъ западно—европейскихъ, и что, слѣдовательно, у насъ мыслимъ только „режимъ" олигархическій, а не „аристократическій"; случайные же успѣхи этого quasi—аристократическаго режима никогда не доставляли русской землѣ „общаго блага", но, напротивъ, всегда заставляли русскій народъ испивать горькую чашу всякаго рода невзгодъ и страданій. Если г. Корсакову уже непремѣнно хочется найти въ родѣ князей Голицыныхъ аристократа „въ лучшемъ смыслѣ этого слова", то я укажу ему не гордеца Дмитрія Михайловича, склоннаго, по собственнымъ словамъ автора, „къ тираніи, *даже* деспотизму" (см. стр. 182), а страдальца за русскую землю въ эпоху смутнаго времени, князя Василія Васильевича Голицына, глубоко уважавшаго русскій народъ и за него вытерпѣвавшаго нѣсколько лѣтъ польскаго плѣна, того самаго Голицына, который гордо говорилъ польскимъ панамъ за себя и за все посольство: „отпускали насъ патріархъ и бояре и *всѣ люди* московскаго государства, а не одни бояре.... *а отъ однихъ бы бояръ* я, князь Василій, и не поѣхалъ". Какая громадная пропасть между этимъ благороднымъ, честнымъ вельможею, проникнутымъ уваженіемъ и любовью къ своему народу,—въ сравненіи съ „двуличнымъ Янусомъ" княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ, подъ-сурдин-

му задумывающимъ и выполняющимъ свои „затѣйки", защищающимся тайною и прячущимся за спины вооруженныхъ солдатъ (см. стр. 117-ю книги г. Корсакова) въ опасеніи насилій отъ того самаго народа, о благѣ котораго яко—бы печется онъ! Укажемъ въ заключеніе еще одну невѣрность, подмѣченную нами въ характеристикахъ автора „Воцаренія импер. Анны Іоанновны". Авторъ на стр. 50-й заявляетъ, будто графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ — Пушкинъ происходилъ одъ одного изъ „древнѣйшихъ русскихъ боярскихъ родовъ" и былъ „бояриномъ царя Алексѣя Михаиловича". И то и другое представляетъ собственный домыселъ автора. Родъ Мусиныхъ—Пушкиныхъ *никогда не былъ боярскимъ*, а самъ Иванъ Алексѣевичъ сказанъ въ бояре (первый въ своемъ родѣ) лишь въ началѣ царствованія Петра І-го; до Ивана Алексѣевича никто изъ предковъ его не бывалъ даже въ окольничихъ (¹). Подобная невѣрность тѣмъ менѣе извинительна, что авторъ для характеристики И. А. Мусина—Пушкина пользовался „Родословною Книгою" изд. кн. Долгорукаго, — а здѣсь ни одинъ изъ членовъ этого рода не показанъ ни въ чинѣ боярина, ни въ чинѣ окольничаго. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что генеалогическая часть изслѣдованія Д. А. Корсакова требуетъ тщательной провѣрки; недостатки этой части работы указаны были автору и на диспутѣ, при защитѣ имъ его сочиненія, одинъ промахъ подобнаго рода указанъ былъ и въ цитированной уже нами библіографической замѣткѣ проф. Бестужева—Рюмина, наконецъ два промаха подобнаго рода случайно бросились и намъ въ глаза. Такъ, на стр. 196-й, Д. А. Корсаковъ производитъ родъ князей Борятинскихъ отъ рода князей Черниговскихъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ произошелъ отъ рода князей Тарусскихъ, а на стр. 197-й производитъ родъ князей Шаховскихъ отъ князей Смоленскихъ, между тѣмъ какъ онъ ведетъ свое начало отъ князей Ярославскихъ (²).

Третьей главѣ книги Д. А. Корсакова,—„Характеристика Анны Іоанновны и ея жизнь до воцаренія" (стр. 58—76)—нельзя не отдать справедливости, какъ мастерскому и живо [illegible]

(¹) См. приложенія къ книгѣ «Очеркъ организаціи и происхожденія служил. сословія въ до—Петровской Руси».

(²) Ibid., стр. 139 и 141.

составленному очерку характера герцогини Курляндской, пребыванія ея въ Курляндіи до избранія на россійскій престолъ и тѣхъ отношеній, въ которыя была она поставлена въ эту эпоху жизни своей. Но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не сдѣлать замѣчанія относительно того, что въ общемъ ходѣ развитія авторомъ вопроса, избраннаго имъ предметомъ своего изслѣдованія, — эта глава носитъ характеръ вставочный, эпизодическій. Она была-бы необходимою составною частью общей исторіи царствованія Анны Ивановны, такъ какъ приводимыя здѣсь данныя послужили бы къ уясненію послѣдующихъ явленій этого царствованія; въ разбираемомъ же трудѣ Д. А. Корсакова, гдѣ весь центръ тяжести лежитъ въ изслѣдованіи однихъ только обстоятельствъ, сопровождавшихъ воцареніе Анны, въ изложеніи которыхъ повѣствованіе автора быстро обрывается 25-мъ числомъ февраля 1730 г., — эта глава лишена существенной связи съ главнымъ предметомъ содержанія. Нашъ взглядъ тотъ, что авторъ поступилъ бы цѣлесообразнѣе, ограничившись самою краткою характеристикою Анны Ивановны — на сколько подобная характеристика была бы необходимою для объясненія причинъ избранія Анны Ивановны и ея отношеній къ окружающимъ ее, со дня подписанія ею ограничительныхъ „пунктовъ“ до 25 февраля 1730 года, — дня разорванія послѣднихъ.

Четвертая глава — „Верховники и шляхетство съ 20 января по 2 февраля“ (стр. 77 — 114) — возвращаетъ насъ къ прерванному на первой главѣ прагматическому изложенію событій, воспослѣдовавшихъ послѣ кончины Петра II-го, изложенію, отъ котораго временно отклоняютъ автора предъидущія двѣ главы. Эта глава начинается разсказомъ о томъ, какъ, несмотря на всѣ предосторожности верховниковъ, подробности избранія Анны Ивановны проникли въ различные кружки Московскаго населенія и стали распространяться здѣсь въ извращенномъ видѣ, сдѣлавшись причиною всеобщаго тревожнаго настроенія.

Далѣе слѣдуетъ подробный, испещренный безчисленными (по нашему мнѣнію даже излишними) деталями, разсказъ объ отправленіи и поѣздкѣ въ Митаву Сумарокова, съ порученіемъ отъ Ягужинскаго открыть Аннѣ Іоанновнѣ закулисную сторону вопроса о предложеніи ограничи

ея самодержавіе, причемъ авторъ знакомитъ читателя съ интересными историческими фактами въ родѣ того, что Сумароковъ нанялъ подводы у Ивана каменьщика, причемъ сообщается даже адресъ послѣдняго, что на станціи Грязи онъ пробылъ 3—4 часа, что въ селѣ Черкизовѣ онъ нанялъ новаго извощика и т. п. Затѣмъ разсказывается, что и другія лица отправляли въ Митаву съ тою же цѣлью гонцевъ своихъ, именно Рейнгольдъ Лёвенвольде и Ѳеофанъ Прокоповичъ. При этомъ авторъ, по своему обыкновенію, прерываетъ нить разсказа для сообщенія біографическихъ подробностей о первомъ изъ этихъ лицъ и объ одномъ изъ русскихъ сторонниковъ Анны Іоанновны — С. А. Салтыковѣ. Здѣсь многорѣчивость автора обнаруживается до крайнихъ предѣловъ. Вся характеристика Лёвенвольде могла бы быть сдѣлана въ нѣсколькихъ строкахъ, кратко, ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно. Между тѣмъ авторъ отводитъ ей почти двѣ страницы своей книги и за массою ненужныхъ подробностей (о красотѣ, манерахъ и веселости этого лица, объ его успѣхѣ между женщинами и любовныхъ шашняхъ, пристрастіи къ картамъ и кутежу и т. п.) затемняетъ для читателя истинное представленіе (откровенно говоря даже лишнее) объ этомъ незначительномъ выскочкѣ—лифляндцѣ. „Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ"—говоритъ извѣстный афоризмъ; „отъ истинной изящности слога до его банальной окраски еще менѣе разстоянія" — добавимъ мы по поводу характеристики Лёвенвольде. Дѣйствительно, что сказать инаго про слѣдующее мѣсто этой характеристики: „Къ нему (Лёвенвольде) можно приложить слова Евангелія: Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты". Конечно, никто не можетъ возбранить г. Корсакову дѣлать какія ему угодно сравненія,—но смѣемъ завѣрить его, что данное сравненіе не только не изящно и не литературно, но къ тому же ни сколько не остроумно и не идетъ къ дѣлу. Передавая затѣмъ сущность различныхъ слуховъ, распространявшихся по столицѣ и между лицами дипломатическаго корпуса, относительно избранія Анны Іоанновны и замысловъ верховниковъ, авторъ снова рисуетъ картину современнаго настроенія умовъ и начинающагося шляхетскаго движенія.

Въ этой части своего труда, авторъ является весьма непослѣдовательнымъ. Мы уже знаемъ, что Д. А. Корсаковъ, въ введеніи къ своему труду, вслѣдъ за г. Карновичемъ, стремится снять съ верховниковъ обвиненіе ихъ въ олигархическихъ замыслахъ. Теперь же онъ какъ-бы склоняется къ мысли о томъ, что верховники не чужды были подобныхъ замысловъ и на стр. 87-й уже и самъ, нисколько не обинуясь, рѣшается говорить объ „общемъ недовольствѣ на *олигархическіе* замыслы" верховниковъ. И дѣйствительно, въ этой части своего труда г. Корсакову больше ничего не остается дѣлать, какъ примирять свою предвзятую мысль объ отсутствіи въ средѣ верховниковъ олигархическихъ замысловъ съ приводимыми имъ же самимъ свидѣтельствами современниковъ о томъ, что *именно* эти то олигархическіе замыслы и были причиною всеобщаго тревожнаго настроенія. Дѣйствительно, Ѳеофанъ Прокоповичъ говоритъ, что верховники имѣли въ виду ввести не тотъ образъ правленія, который „можетъ нарѣщись владѣтельство избранныхъ, гречески аристократія, но развѣ *скоенческая тиранія* или насильство, которая *олигархія* у еллиновъ именуется", что верховникамъ даже и самимъ „нельзя быть долго съ собою въ согласіи: сколько ихъ есть человѣкъ, чуть ли не только явится атамановъ междоусобныхъ браней", что всѣ жестоко порицали ихъ „необычное дерзновеніе, несытое лакомство и властолюбіе", ожидая отъ осуществленія замысловъ верховниковъ „крайняго всему отечеству бѣдства"; равнымъ образомъ и саксонскій посланникъ Лефортъ доносилъ своему правительству, что причиною недовольства шляхетства замыслами верховниковъ является опасеніе „что со временемъ вмѣсто одного государя явится столько тирановъ, сколько членовъ въ Совѣтѣ". Страннымъ представляется, что Д. А. Корсаковъ, не смотря на такія ясныя указанія на всеобщій страхъ передъ олигархическими стремленіями верховниковъ, не смотря на то, что въ разсматриваемой нами главѣ такъ близко подходитъ къ выводу объ олигархическомъ характерѣ замысловъ верховниковъ — и въ началѣ своего труда, во введеніи, и въ самомъ концѣ его, въ заключительной главѣ — усиленно ломаетъ копья въ защиту чистоты и безкорыстности побужденій ихъ въ дѣлѣ воцаренія Анны Іоанновны. Рисуя картину движенія, возбудившагося въ кружкахъ генералитета и шляхетства, Д. А. Кор-

саковъ на стр. 89-й заявляетъ, что „люди родословные мечтали о возстановленіи правъ Московскаго боярства“, а на стр. 103-й говоритъ, что „всѣ иностранные послы смотрѣли на эти явленія (замыслы верховниковъ и шляхетское движеніе).... какъ на желаніе старой русской партіи — возвратиться къ прежнему московскому варварскому порядку вещей“. Такимъ образомъ мы видимъ, что самая логическая послѣдовательность изложенія влекла г. Корсакова къ расширенію исторической подкладки его изслѣдованія, къ изложенію исторіи воцаренія Анны Іоанновны въ связи съ предшествовавшею исторіею русской государственной жизни—но авторъ, какъ мы уже выше видѣли, упорно воздерживается отъ подобнаго пріема.

Сдѣлавъ затѣмъ перечисленіе различныхъ претендентовъ на русскій престолъ, сравнительную, довольно обстоятельную, оцѣнку доводовъ за и противъ избранія ихъ и, наконецъ, представивъ картину впечатлѣнія, произведеннаго избраніемъ Анны Іоанновны, Д. А. Корсаковъ излагаетъ очеркъ дѣятельности Верх. Тайнаго Совѣта съ 20 января по 2 февраля.

Таково содержаніе IV-ой главы книги Д. А. Корсакова. Вникая въ представляемый ею матеріалъ и сопоставляя его съ матеріаломъ, даваемымъ трудами прежнихъ изслѣдователей того же вопроса, - нужно сознаться, что она не вноситъ ничего новаго въ исторію воцаренія Анны Іоанновны, кромѣ развѣ незначительныхъ, часто даже мелочныхъ, подробностей, нисколько не способныхъ возвысить заслугу автора въ сравненіи съ его предшественниками. Что касается самаго изложенія этой главы—оно въ высшей степени сбивчивое, перепутанное и непослѣдовательное. Авторъ какъ-бы теряется въ массѣ собранныхъ имъ фактовъ, бросается отъ одной группы фактовъ къ другой (такъ напримѣръ онъ въ трехъ мѣстахъ этой главы отдѣльно распространяется о тревожномъ состояніи общества подъ впечатлѣніемъ замысловъ верховниковъ) и связываетъ эти факты на живую нитку, мало заботясь объ ихъ взаимной связи. Въ результатѣ — получается масса фактовъ, разговоровъ, біографическихъ свѣдѣній, выписокъ изъ „Сказанія“ Ѳ. Прокоповича, депешъ иностранныхъ резидентовъ и выписокъ изъ протоколовъ В. Т. Совѣта (изъ которыхъ нѣкоторыя да-

же не идутъ къ дѣлу) — въ которыхъ, вслѣдствіе отсутствія внутренней логической связи и руководящей идеи—невольно теряется читатель. Разсмотрѣнная глава болѣе приближается къ черновому собранію матеріала, нежели къ обработанному отдѣлу историческаго изслѣдованія.

Пятая глава сочиненія Д. А. Корсакова (стр. 114—145) излагаетъ событія, имѣвшія мѣсто съ 2-го по 10-е февраля 1730 года. Тщетно сталъ бы читатель искать здѣсь чего либо существенно новаго сравнительно съ изложеніемъ тѣхъ же событій въ XIX-мъ томѣ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева (стр. 251 и слѣд.), а также въ статьяхъ гг. Карновича и Щебальскаго; поэтому мы и считаемъ лишнимъ болѣе или менѣе продолжительное время останавливаться на этой части изложенія автора. Остановимся впрочемъ на одномъ противорѣчіи между изложеніемъ С. М. Соловьева и Д. А. Корсакова. С. М. Соловьевъ, имѣвшій въ государственномъ архивѣ подъ руками тѣ же матеріалы, которыми пользовался и Д. А. Корсаковъ, утверждаетъ, что торжественное засѣданіе В. Т. Совѣта, въ которомъ провозглашены были письмо изъ Митавы Анны Іоанновны и подписанные ею пункты, имѣло мѣсто 3-го февраля,—что 2-го февраля разослана была отъ В. Т. Совѣта повѣстка, приглашавшая сенатъ, синодъ и генералитетъ пожаловать въ засѣданіе „на другой день“. По изложенію Д. А. Корсакова оказывается, что это торжественное засѣданіе происходило 2-го февраля. Автору „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“ не мѣшало бы выяснить читателямъ причину этого противорѣчія,—вѣдь личность покойнаго Соловьева на столько уважаема и авторитетна въ ученомъ мірѣ, что, становясь въ противорѣчіе съ его показаніями, необходимо убѣдительно доказывать ошибочность послѣднихъ, если только въ данномъ случаѣ покойный историкъ дѣйствительно впалъ въ заблужденіе относительно дня разсматриваемаго засѣданія.

Подобное же противорѣчіе находимъ мы у обоихъ авторовъ и по отношенію ко дню засѣданія В. Т. Совѣта, въ которомъ опредѣлена была форма титула новой императрицы. С. М. Соловьевъ, цитируя при этомъ Полное Собр. Законовъ, относитъ его къ 5-му февраля; Д. А. Корсаковъ, опять таки не давая себѣ труда примирить свое изложеніе съ изложеніемъ проф. Соловьева, — пріурочиваетъ его къ 4-му февраля (см. стр. 132-ю).

Представивъ подробное изложеніе общеизвѣстныхъ подробностей засѣданія В. Т. Совѣта 2—3 февраля (авторъ ставитъ насъ въ положительное недоумѣніе, кому вѣрить— ему или С. М. Соловьеву) — г. Корсаковъ весьма обстоятельно прослѣживаетъ всю дѣятельность В. Т. Совѣта въ послѣдующую недѣлю, задавшись при этомъ цѣлью отмѣтить рядъ безтактныхъ и опрометчивыхъ поступковъ его, ставшихъ въ противорѣчіе съ самыми основами первоначальныхъ плановъ верховниковъ и подготовившихъ противникамъ ихъ изъ генералитета и шляхетства успѣшную почву для послѣдующей борьбы. Здѣсь мы не можемъ не замѣтить, что неумѣлость и безтактность дѣйствій верховниковъ слишкомъ слабо очерчены авторомъ; относящіеся сюда отдѣльные факты слишкомъ расплываются въ массѣ деталей; автору слѣдовало сконцентрировать эти факты, выдѣлить ихъ изъ подъ гнетущаго балласта различнаго рода мелочей, освѣтить ихъ въ общей картинѣ и указать болѣе рельефнымъ образомъ вліяніе ихъ на послѣдующія февральскія событія. Тогда читатель былъ бы болѣе подготовленъ къ воспріятію дальнѣйшаго изложенія Д. А. Корсакова.

Шестая глава „Воцаренія императрицы Анны Іоанновны“ (стр. 146—188) имѣетъ своею задачею разсмотрѣніе проектовъ и мнѣній, поданныхъ шляхетствомъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, плана государственныхъ реформъ князя Д. М. Голицына и пунктовъ присяги вновь избранной императрицѣ. Эту главу слѣдуетъ считать лучшимъ отдѣломъ сочиненія Д. А. Корсакова по фактическому ея изложенію, но она опять таки страдаетъ недостатками въ тѣхъ своихъ частяхъ, гдѣ авторъ стремится обобщать приводимые имъ факты и дѣлать изъ нихъ самостоятельные выводы. Изложеніе Д. А. Корсаковымъ шляхетскихъ проектовъ и пунктовъ присяги, въ той полнотѣ, въ которой мы его находимъ въ „Воцареніи Анны Іоанновны“ — является впервые въ русской исторической литературѣ. Нѣкоторые шляхетскіе проекты были, правда, напечатаны еще раньше, напр. въ „Памятникахъ новой русской исторіи“ изд. Кашпировымъ и въ „Сборникѣ историческихъ матеріаловъ и пр.“ изд. М. Михайловымъ, а пункты присяги, въ сокращенномъ видѣ, излагаются въ XIX т. „Исторіи Россіи“ Соловьева (стр. 257—259); но Д. А. Корсакову принадлежитъ честь обстоятельнаго и полнаго изложенія, какъ всѣхъ дошедшихъ до нашихъ дней двѣнадцати шляхетскихъ проек-

товъ и мнѣній, такъ и пунктовъ присяги,—изложенія основаннаго на подлинникахъ, разсмотрѣнныхъ авторомъ въ Государственномъ Архивѣ. Сверхъ изложенія шляхетскихъ проектовъ и пунктовъ присяги въ текстѣ своего сочиненія, Д. А. Корсаковъ, въ приложеніяхъ къ нему, воспроизводитъ текстъ двухъ доселѣ въ подлинникахъ неизвѣстныхъ проектовъ, указываетъ фамиліи лицъ, подписавшихся подъ отдѣльными проектами и представляетъ сличеніе между собою всѣхъ списковъ пунктовъ присяги съ шляхетскими проектами. Не довольствуясь простымъ изложеніемъ всѣхъ двѣнадцати проектовъ шляхетства, г. Корсаковъ дѣлаетъ на стр. 175—178 попытку представить, на основаніи всѣхъ этихъ проектовъ, сводную программу предположеній и мнѣній, въ нихъ изложенныхъ.

Въ началѣ шестой главы авторъ высказываетъ мнѣніе, прямо противорѣчащее мыслямъ, раньше высказаннымъ имъ на стр. 89—90,—мнѣніе, будто дошедшіе до насъ двѣнадцать шляхетскихъ проектовъ выражаютъ въ себѣ „политическое умоначертаніе русскаго шляхетства первой половины XVIII-го вѣка" и будто шляхетство это было „проникнуто сознаніемъ необходимости расширить кругъ государственныхъ реформъ". При разсмотрѣніи введенія къ книгѣ г. Корсакова, имѣли мы уже случай оспаривать этотъ взглядъ автора и представить наше собственное воззрѣніе на значеніе такъ называемыхъ шляхетскихъ проектовъ, — поэтому въ настоящее время мы укажемъ лишь одну неточность, допущенную авторомъ и являющуюся результатомъ свойственнаго ему пріема вводить въ свое изложеніе эффектныя фразы, не вдумываясь въ то, насколько согласуются онѣ съ исторической истиною. На стр. 147 авторъ заявляетъ, что въ шляхетскомъ движеніи, наряду съ Рюриковичами, Гедиминовичами и потомками выѣзжихъ родовъ, принимали участіе и представители „старинныхъ служилыхъ родовъ изъ удѣльныхъ княжествъ рязанскаго, московскаго, тверскаго и др."; подобное же указаніе на „старинныхъ *бояръ* князей рязанскихъ, тверскихъ, ростовскихъ и др." — даетъ авторъ и на стр. 189-й своей книги. Я убѣдительно просилъ бы автора указать мнѣ, *какіе именно* шляхтичи половины XVIII-го в. являются потомками старинныхъ *служилыхъ*, да вдобавокъ еще *боярскихъ родовъ изъ удѣльныхъ княжествъ*; я спеціально занимался генеалогіею русскихъ служилыхъ родовъ и, несмотря на всѣ ста-

ранія, не могъ найти фактовъ, которые оправдывали-бы слова Д. А. Корсакова. Правда, Д. А. Корсаковъ указываетъ въ другомъ мѣстѣ своего труда на фамилію Измайловыхъ; я, съ своей стороны укажу на фамилію Румянцевыхъ,—но дѣлать такое значительное обобщеніе изъ двухъ-трехъ фактовъ — пріемъ нетерпимый въ исторической наукѣ. Разсматривая проектъ, поданный кн. Черкасскимъ и составленный извѣстнымъ историкомъ XVIII-го вѣка В. Н. Татищевымъ — авторъ подробно излагаетъ соображенія, представленныя Татищевымъ по отдѣльнымъ вопросамъ, затрогиваемымъ проектомъ. Здѣсь составитель проекта, доказывая историческими фактами непригодность для Россіи аристократической формы государственнаго строя — перечисляетъ отдѣльныя попытки ограничить самодержавіе, имѣвшія мѣсто въ XVI—XVII вѣкахъ и прямо уподобляетъ „затѣйку" верховниковъ 1730 года попыткѣ московскихъ бояръ 1606 года. Отмѣчаемъ этотъ фактъ, какъ доказательство того, что еще въ 1730 году высказывалась мысль о связи событій этого года съ явленіями Московской Руси, — мысль которую въ 1880 году такъ упорно и послѣдовательно обходитъ авторъ „Воцаренія императрицы Анны Іоанновны". Нельзя не отмѣтить наконецъ и крайней шаткости и непослѣдовательности выводовъ автора при сопоставленіи имъ проекта политическаго устройства кн. Д. М. Голицина съ шляхетскими проектами. Мы не остановимся на недостаткахъ этой части изложенія Д. А. Корсакова, такъ какъ они подробны указаны въ одной изъ недавно вышедшихъ рецензій „Воцаренія импер. Анны Іоанновны" (см. Историческій Вѣстникъ 1881, № 1-й).

Седьмая глава сочиненія Д. А. Корсакова — „Главнѣйшіе участники шляхетскихъ проектовъ" (стр. 189—239)—ставитъ въ недоумѣніе относительно своей умѣстности въ общей системѣ разсматриваемаго сочиненія. Цѣль этой главы—представить характеристики наиболѣе выдающихся личностей, фигурирующихъ въ шляхетскихъ проектахъ и мнѣніяхъ. Въ началѣ этой главы авторъ обѣщаетъ остановиться *подробнѣе* на всѣхъ этихъ личностяхъ, — и болѣе нежели успѣшно выполняетъ данное имъ обѣщаніе: всю седьмую главу своего труда, около 50 страницъ, обращаетъ онъ въ какой-то біографическій словарь весьма сомнительнаго качества, гдѣ вмѣсто *характеристикъ* лицъ, участвовавшихъ въ шляхетскомъ движеніи, мы находимъ какіе то послуж-

ные списки и изложеніе семейныхъ и родовыхъ отношеній 76 представителей шляхетскихъ родовъ первой половины XVIII-го вѣка. Помѣщенныя здѣсь свѣдѣнія представляются большею частью до такой степени мелочными и мало способствующими выполненію задачи, имѣвшейся у автора въ виду, что по прочтеніи всей этой главы у читателя образуется въ памяти какой-то хаосъ именъ собственныхъ, годовъ, родственныхъ отношеній тѣхъ или другихъ лицъ, указаній на различные служебные посты, походы, посольства и т. п., безъ всякаго ключа къ уразумѣнію всего этого матеріала,— если только можно дать послѣднее названіе всей этой массѣ мелочныхъ и случайныхъ свѣдѣній. Авторъ не ограничивается „характеристиками", даваемыми имъ въ разсматриваемой главѣ его сочиненія; огромную массу подобныхъ же quasi — характеристикъ найдемъ мы и въ приложеніяхъ къ „Воцаренію импер. Анны Іоанновны", при исчисленіи лицъ, подписывавшихся подъ различными шляхетскими проектами. Не дурно сдѣлалъ бы авторъ, отведя мѣсто въ этихъ приложеніяхъ и добрымъ двумъ третямъ всего содержанія седьмой главы своего сочиненія, въ которой онѣ принимаютъ характеръ лишняго баласта, подавляющаго собою цѣлостное впечатлѣніе книги. Мы увѣрены, что каждый читатель, одолѣвъ седьмую главу книги, не пріобрѣтетъ никакихъ новыхъ взглядовъ на значеніе шляхетскаго движенія и шляхетскихъ проектовъ, но вынесетъ лишь чувство величайшаго утомленія и невольнаго удивленія къ охотѣ автора производить такія чудовищныя затраты непроизводительнаго труда, въ ущербъ другимъ, болѣе научнымъ вопросамъ, выдвигаемымъ тѣми же событіями 1730 года.

Восьмая глава книги Д. А. Корсакова (стр. 240—267) описываетъ событія, имѣвшія мѣсто въ Москвѣ съ 10-го по 25-ое февраля 1730 года, т. е., прибытіе и пятидневное пребываніе Анны Іоанновны въ подмосковномъ селѣ Всесвятскомъ, представленіе ей здѣсь верховниковъ, сенаторовъ и лицъ изъ генералитета и шляхетства, торжественный въѣздъ императрицы въ Москву и принесеніе ей присяги, попытки къ соглашенію плановъ верховниковъ съ шляхетскими проектами и наконецъ дѣятельность сторонниковъ Анны Іоанновны, подготовившую 25-е февраля — день подиесенія императрицѣ полнаго самодержавія. Постепенный ходъ всѣхъ этихъ событій излагается и предшество-

никами Д. А. Корсакова, въ особенности же подробно и рельефно излагаютъ его покойный С. М. Соловьевъ въ XIX томѣ своей „Исторіи Россіи“ (см. стр. 259—265) и г. Щебальскій (Рус. Вѣст. 1859 г. т. XIX). Кромѣ нѣкоторыхъ мелочныхъ деталей, почерпнутыхъ изъ журналовъ В. Т. Совѣта — у Д. А. Корсакова въ разсматриваемой главѣ его сочиненія существенно-новымъ является лишь рѣчь Д. М. Голицына при встрѣчѣ императрицы въ с. Всесвятскомъ и отвѣтъ на нее императрицы, излагаемые на основаніи депеши датскаго посланника Вестфалена отъ 2-го марта, текстъ присяги Аннѣ Іоанновнѣ (бывшій досолѣ извѣстнымъ лишь по переводамъ въ нѣмецкихъ изданіяхъ) и черновой набросокъ примирительнаго мнѣнія кн. В. Л. Долгорукаго. Но, съ другой стороны, нельзя не отмѣтить въ изложеніи Д. А. Корсакова и пропуска нѣкоторыхъ фактовъ, приводимыхъ С. М. Соловьевымъ. Сюда относится, напримѣръ, подробность объ угощеніи императрицею кавалергардовъ въ с. Всесвятскомъ (подробность конечно мелочная, но весьма характерная, во всякомъ случаѣ болѣе характерная, нежели подробность о выборѣ Д. М. Голицынымъ соболей для императрицы) или весьма характерная подробность поднесенія императрицѣ ордена Св. Андрея Первозваннаго, при которомъ Анна Іоанновна замѣчаніемъ о томъ, что она „забыла надѣть“ этотъ орденъ—дала понять верховникамъ, что ей не нравится поднесеніе его ей отъ лица В. Т. Совѣта, почему она и не допустила возложенія на себя этого ордена кѣмъ либо изъ верховниковъ. Далѣе у Д. А. Корсакова болѣе кратко, сравнительно съ С. М. Соловьевымъ, описывается интересное препирательство въ Успенскомъ соборѣ Өеофана Прокоповича и его сторонниковъ съ одной стороны, и верховниковъ съ другой стороны, изъ за формы присяги,—и совершенно упущена поданная Өеофаномъ Прокоповичемъ на письмѣ (такъ какъ его не допустили устно произнести ее) привѣтственная рѣчь императрицѣ. Не приводитъ Д. А. Корсаковъ и сообщаемаго С. М. Соловьевымъ интереснаго разсказа бригадира Козлова (сторонника верховниковъ) о современныхъ московскихъ происшествіяхъ, о „бездѣльникахъ“, мѣшающихъ планамъ верховниковъ, и во главѣ ихъ о князѣ Черкасскомъ, о предположенномъ запрещеніи императрицѣ допускать кого либо ко двору безъ разрѣшенія В. Т. Совѣ-

та, о томъ, что признаніе Анны Іоанновны императрицею есть лишь „помазка по губамъ“ и т. п. Умалчиваетъ Д. А. Корсаковъ и о ходившемъ по Москвѣ слухѣ, будто бы верховники, видя всеобщее неудовольствіе противъ нихъ, хотѣли сами поднести Аннѣ Іоанновнѣ самодержавіе, но императрица гордо отвергла это предположеніе, заявивъ, что для нее „мало получить самодержавіе отъ осьми персонъ“. Далѣе, на стр. 249-й, приводя текстъ соглашенія между верховниками и нѣкоторыми лицами изъ шляхетства — Д. А. Корсаковъ печатаетъ его безъ конца, заявляя что „въ подлинной черновой нѣтъ конца“. Между тѣмъ у С. М. Соловьева (стр. 257-я) актъ этотъ напечатанъ въ цѣломъ видѣ и г. Корсакову не грѣшно было-бы допечатать недостающія три строчки,—такъ какъ не заподозритъ же онъ конечно въ фальсификаціи память покойнаго исторіографа,—или же представить какія либо объясненія этого дефекта воспроизведеннаго имъ акта ([1]).

Переходя къ описанію происходившей въ описываемое время пропаганды Остермановскаго замысла о возвращеніи Аннѣ Ивановнѣ самодержавія, Д. А. Корсаковъ, слѣдуя излюбленному имъ пріему, снова прерываетъ нить своего повѣствованія для представленія „характеристикъ“ наиболѣе усердныхъ адептовъ этого замысла. Къ относящимся сюда десяти характеристикамъ,—не выключая и характеристики „совершенно неизвѣстнаго *банальнаго* гвардейскаго офицера, но вполнѣ русскаго человѣка“, графа Θ. А. Матвѣева,—вполнѣ приложимо все то, что было высказано нами и о характеристикахъ, встрѣчавшихся намъ въ предшествовавшихъ главахъ „Воцаренія имиер. Анны Іоанновны“.

Девятая глава „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“ содержитъ въ себѣ описаніе происшествій 25-го февраля,—дня возвращенія императрицѣ полнаго содержанія,—дня, явившагося развязкою событій, разыгрывавшихся въ продолженіи предшествовавшихъ пяти недѣль. Существенно-новымъ, сравнительно съ „Исторіею Россіи“ Соловьева, является здѣсь подробный разсказъ на стр. 269-й, на основаніи депешъ Вест-

([1]) Это конечно мелочь; но она дѣлаетъ подобный упрекъ автору въ виду той, доходящей до микроскопичности, тщательности, съ какою от-[illegible] онъ въ [illegible] архивныхъ матеріалахъ.

фалена, о дѣйствіяхъ кн. Черкасскаго и 150 странниковъ его въ Кремлевскомъ дворцѣ, передъ представленіемъ ими императрицѣ первой челобитной. Дальнѣйшее изложеніе Д. А. Корсакова не вноситъ въ исторію 25-го февраля ничего новаго сравнительно, съ его предшественниками—г. Щебальскимъ и проф. Соловьевымъ.

Разсматриваемая глава заканчивается,—какъ и изложеніе событій 1730 года у гг. Щебальскаго и Соловьева,—описаніемъ сѣвернаго сіянія вечера 25-го февраля и извѣстными пророческими словами князя Д. М. Голицина.

Десятая глава изслѣдованія Д. А. Корсакова (стр. 279—303)—глава заключительная - имѣетъ задачею представить общіе выводы изъ всего предшествовавшаго изложенія, имѣетъ въ виду представить историческою оцѣнку событій воцаренія императрицы Анны Ивановны. Слѣдовательно, это глава, въ которой мы должны искать строго-сформулированныхъ возрѣній автора на историческое значеніе этихъ событій. Имѣя въ виду эту послѣднюю цѣль, авторъ ставитъ себѣ на разрѣшеніе слѣдующіе *четыре* вопроса: a) *изъ какихъ источниковъ черпали верховники и шляхтичи тѣ идеи*, которыя они высказывали въ своихъ политическихъ планахъ и проектахъ?, b) *въ чемъ заключались ихъ стремленія?*, c) *вслѣдствіе какихъ причинъ не достигли они тѣхъ результатовъ*, къкоторымъ стремились? и d) *къ какимъ результатамъ привело провозглашеніе Анны Іоанновны самодержицей*, уничтожившее замыслы верховниковъ и шляхетства?

Посмотримъ теперь, какъ разрѣшаетъ авторъ „Воцареніе импер. Анны Іоанновны" всѣ эти вопросы.

I. Всѣ „разнообразныя вліянія", подъ которыми сложились возрѣнія верховниковъ и участниковъ шляхетскихъ проектовъ, могутъ быть, по мнѣнію автора, подведены подъ двѣ главныя рубрики: 1) *традиціи родословности*", заставлявшія родословныхъ людей идеализировать политическій бытъ московской до—Петровской Руси" и 2) *вліяніе западно-европейское*, выразившееся въ примѣрахъ государственнаго строя западно-европейскихъ государствъ и въ чтеніи историческихъ и политическихъ сочиненій. На первомъ изъ этихъ вліяній—„традиціяхъ родословности"—авторъ въ настоящей главѣ не останавливается, отсылая читателя къ началу второй главы, гдѣ разсмотрѣна имъ „политическая роль" князей Дол-

горукихъ и Голицыныхъ. Мы уже видѣли изъ разбора второй главы, что авторъ и не думалъ указывать въ ней какихъ-либо идеаловъ и политическихъ стремленій родословныхъ людей Московской Руси, ограничившись лишь сообщеніемъ кое-какихъ біографическихъ данныхъ относительно десяти Голицыныхъ и Долгорукихъ XVI — XVII-го вѣковъ. Слѣдовательно, вопросъ о вліяніи „традицій родословности“ (которыя должны быть отожествляемы, какъ выше уже изложено, съ политическими стремленіями московскаго боярства, ставящими событіе 1730 г. въ историческую связь съ явленіями Московской государственной жизни) не только ни на одну іоту не подвинутъ въ „Воцареніи импер. Анны Іоанновны“, сравнительно съ предшественниками Д. А. Корсакова, но, напротивъ, стоитъ въ изложеніи послѣдняго ниже уровня данныхъ, представляемыхъ по отношенію къ нему русскою историческою литературою. А такъ какъ родословные люди являются главными, активными, дѣятелями событій 1730-го года, то отсюда ясно, что основной историческій факторъ этихъ событій—совершенно неразработанъ въ книгѣ г. Корсакова, вмѣняется въ этой книгѣ „ни во что же, якоже и не бысть“.

Если авторъ „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“ обошелъ вопросъ объ историческихъ причинахъ событія 1730-го года, коренящихся въ явленіяхъ предшествовавшей государственной жизни русской,—то за то съ большею подробностью останавливается онъ на вліяніи западно-европейскомъ, которое сводится: a) къ примѣру государственнаго строя западно-европейскихъ государствъ и, главнымъ образомъ, Швеціи и Польши, и b) къ вліянію переводовъ произведеній западно-европейской политической литературы и различныхъ рукописныхъ компиляцій хронографическаго характера. Если мы раскроемъ не разъ уже цитированныя нами статьи г. Карновича (Отеч. Зап. 1872 г. № 1, стр. 224—227, 232—233) и г. Щебальскаго (Рус. Вѣстн. 1859 г., т. XIX, стр. 61—63),—то придемъ къ убѣжденію въ томъ, что, въ этой части своихъ общихъ заключительныхъ выводовъ, Д. А. Корсаковъ не можетъ похвалится оригинальностью и самостоятельностью, повторяя мысли, высказанныя обоими названными авторами; изъ самостоятельной работы автора въ предѣлахъ разсматриваемаго вопроса можно лишь отмѣтить сопоставленіе шведской конституціи 1719—1720 гг. съ кон-

диціями 1730 года и политическимъ планомъ кн. Д. М. Голицина, сопоставленіе, на основаніи котораго авторъ приходитъ къ „весьма вѣроятному предположенію“ о *заимствованіи* кн. Голицинымъ изъ первой его политической программы. Нельзя впрочемъ никакимъ образомъ согласиться съ авторомъ въ одномъ изъ его положеній, въ разсматриваемой части труда,— будто политическіе порядки Польши „издавна пользовались симпатіей бояръ Московскихъ.“ Нельзя также не почесть совершенно излишнимъ подробное изложеніе авторомъ на восьми почти страницахъ его труда (стр. 286—293) содержанія различныхъ переводовъ и компиляцій политико-историко-географическаго содержанія, обращавшихся у насъ въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія; лица, имѣющія достаточную историческую подготовку или знакомыя съ составомъ старинныхъ русскихъ библіотекъ — и такъ знаютъ характеръ подобнаго рода произведеній, а остальные читатели конечно и на слово могли бы повѣрить г. Корсакову, что указанныя имъ произведенія дѣйствительно въ состояніи были до извѣстной степени знакомить читающую публику первой половинѣ XVIII-го вѣка съ состояніемъ современныхъ западно-европейскихъ государствъ.

II. Приступая къ разсмотрѣнію втораго изъ намѣченныхъ имъ вопросовъ—„*въ чемъ заключались стремленія верховниковъ?*,—Д. А. Корсаковъ заявляетъ, что этотъ вопросъ „по отношенію къ верховникамъ, повидимому, уже рѣшенъ учеными и публикой; что касается до стремленій шляхетства, то они не разъяснены должнымъ образомъ. Верховники дѣйствовали изъ своекорыстныхъ цѣлей, желая ради своихъ эгоистическихъ побужденій ограничить власть Анны Іоанновны—таково ходячее мнѣніе, ставшее общимъ мѣстомъ“. Не соглашаясь съ этимъ рѣшеніемъ „ученыхъ и публики“, авторъ ставитъ своею задачею оправданіе верховниковъ отъ обвиненія въ олигархическихъ стремленіяхъ и разъясненіе „должнымъ образомъ“ сущности стремленій шляхетства.

Стремясь доказать отсутствіе у верховниковъ олигархическихъ стремленій, Д. А. Корсаковъ указываетъ, во первыхъ, что извѣстныя слова верховниковъ о необходимости „*себѣ* полегчить“, „*себѣ* воли прибавить“—объясняютъ обыкновенно въ томъ смыслѣ, будто верховники намѣревались подневолить себѣ всѣ остальные общественные классы, съ чѣмъ авторъ „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“, не считаетъ возмож-

нымъ согласиться, хотя самъ же авторъ на страницѣ 296-й,— одною страницею ниже развиваемой имъ защиты верховниковъ отъ обвиненій въ олигархизмѣ, — заявляетъ, что кн. Д. М. Голицынъ „хотѣлъ одинъ дѣйствовать за всѣхъ", хотѣлъ „*всѣхъ подчинить своей власти*", считалъ своихъ противниковъ (т. е. всѣхъ противниковъ замысловъ верховниковъ) за „толпу, которой онъ можетъ руководить и *помыкать по произволу*". Это желаніе всѣхъ подчинить власти восьми лицъ, это стремленіе дѣйствовать за всѣхъ, эта страсть помыкать всѣми по произволу—не являются ли признаками *именно* олигархическихъ взглядовъ на вещи? Затѣмъ, заявляя на стр. 182-й, что политическій планъ кн. Д. М. Голицына ставитъ преобладаніе власти „немногихъ знатнѣйшихъ фамилій", что въ этомъ планѣ выразилась склонность этого верховника къ „тираніи и деспотизму",—г. Корсаковъ на стр. 294-й рѣшается увѣрять, что этотъ же самый планъ „не заключаетъ въ себѣ олигархическихъ тенденцій"! Если бы покойные верховники могли воскреснуть—врядъ-ли поблагодарили бы они г. Корсакова за такую защиту, напоминающую разглагольствованія неопытнаго адвоката, дающаго въ руки прокуратуры доводы, становящіяся новымъ орудіемъ для обвиненія. Вообще, защищая своихъ верховниковъ, Д. А. Корсаковъ выказываетъ страшную непослѣдовательность и шаткость воззрѣній на событія 1730 года. Онъ задался цѣлью во что-бы то ни стало спасти верховниковъ отъ обвиненія въ олигархизмѣ,—или изъ дѣйствительнаго пристрастія къ родамъ князей Долгорукихъ и Голицыныхъ, историкомъ которыхъ состоитъ онъ уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, или же изъ желанія внести оригинальное направленіе въ свой историческій трудъ (да и то не оригинальное, такъ какъ г. Карновичъ его предшественникъ въ этомъ отношеніи); и вотъ въ своемъ введеніи и въ заключеніи, гдѣ можно разглагольствовать не становясь на почву непосредственнаго столкновенія съ фактами,—г. Корсаковъ настаиваетъ на томъ, что верховники не были и не хотѣли быть олигархами, въ тѣхъ же главахъ, при изложеніи которыхъ вокругъ автора тѣснятся неумолимые историческіе факты, не укладывающіеся въ заранѣе намѣченныя имъ рамки,—у автора, быть можетъ вопреки его собственной волѣ, проскальзываютъ вовсе не двусмысленныя воззрѣнія, весьма тѣсно граничащія съ признаніемъ у верховниковъ олигархическихъ тенденцій. Эти случайно проскаль-

зающія воззрѣнія до того не двусмысленны, что одинъ изъ рецензентовъ „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“ силится весьма серьезнымъ образомъ—обвинять Д. М. Голицина въ олигархизмѣ?—нѣтъ!, спасать этого верховника отъ обвиненія его въ олигархизмѣ со стороны... самого Д. А. Корсакова ([1]), категорически заявляя при этомъ что „очевидно, г. Корсаковъ придерживается общепринятаго мнѣнія, что Голицинъ былъ олигархъ“!! Да и въ самомъ дѣлѣ, кого не поставитъ г. Корсаковъ въ тупикъ своимъ отрицаніемъ въ началѣ и въ концѣ книги олигархическихъ стремленій у кн. Д. М. Голицина „со други“ его, и затѣмъ заявленіями, въ различныхъ мѣстахъ своей книги, о томъ, что верховники явились 19-го января „какимъ то *самозваннымъ* учредительнымъ собраніемъ“ (стр. 9-я), что князь Д. М. Голицинъ „не разъ ставилъ свои частные интересы выше интересовъ общественныхъ,“ что онъ „былъ чрезмѣрно гордъ и надмененъ, обожалъ власть больше всего на свѣтѣ и не переносилъ противорѣчій“ (стр. 35-я), что онъ былъ убѣжденъ, будто „аристократическій режимъ есть единственно благотворный для общаго блага Россіи“ (стр. 37-я), что Ѳеофанъ Прокоповичъ передаетъ общее недовольство на „*олигархическіе* замыслы“ верховниковъ (стр. 87-я), что планъ кн. Голицина „ограничиваетъ шляхетское большинство *властью немногихъ знатнѣйшихъ фамилій*,“ что самъ кн. Голицинъ имѣлъ „склонность къ тираніи, даже деспотизму“ (стр. 182-я) и т. п. Ясно что авторъ, самъ того не сознавая, не отрицаетъ у верховниковъ тѣхъ сторонъ ихъ стремленій, которыя и являются характерными для понятія олигархіи,—что онъ возстаетъ только противъ самого выраженія „*олигархія*,“ что онъ возстаетъ не противъ самой сущности понятія, но противъ пустаго звука, его выражающаго. Считаемъ при этомъ не лишнимъ указать и на то любопытное явленіе, что въ своемъ „Отчетѣ о занятіяхъ въ архивахъ и библіотекахъ С. Петербурга и Москвы“ (Каз. 1879), являющемся изложеніемъ сущности подготовительныхъ работъ автора по изслѣдованіи вопроса о воцареніи Анны Ивановны, Д. А. Корсаковъ, на стр. 7-й, прямо заявляетъ, что въ 1730 году шляхетство возстало *именно* противъ „*олигархическихъ замысловъ* боярскаго кружка.“ Скоро же мѣняетъ нашъ авторъ свои научныя „убѣжденія“!

([1]) См. „Историч. Вѣстникъ“ 1881 г. №1-й, стр. 200—201.

Во вторыхъ, Д. А. Корсаковъ, продолжая защиту верховниковъ, жалуется, что ихъ обвиняютъ въ олигархизмѣ и инымъ способомъ: „предположеніемъ на основаніи неизвѣстнаго." Вотъ то замѣчательное мѣсто книги г. Корсакова, въ которомъ онъ толкуетъ объ этомъ способѣ обвиненія верховниковъ: „Олигархія, непотизмъ!—вотъ какія восклицанія раздавались и раздаются при разсужденіяхъ о дѣятельности верховниковъ, и *этими восклицаніями думаютъ порѣшить все*. Весьма естественно, что такой взглядъ не можетъ почесться серьезнымъ, тѣмъ болѣе научнымъ. Историкъ не въ правѣ судить на основаніи общихъ и предвзятыхъ воззрѣній; но олигархизмъ верховниковъ пытаются доказать и инымъ способомъ: *предположеніемъ на основаніи неизвѣстнаго*. Что-бы было, если бы верховники успѣли въ своихъ намѣреніяхъ? Такой вопросъ, очень любимый нѣкоторыми историками, представляется намъ празднымъ и анти-историческимъ. Что-бы было, если бы не Іоаннъ III покорилъ Новгородъ, а Новгородцы побѣдили бы Московскаго великаго князя, что -бы было, если бы Борисъ Годуновъ не прикрѣпилъ къ землѣ крестьянъ? что-бы было, если бы Карлъ XII побѣдилъ Петра подъ Полтавой и т. д. Такихъ фантастическихъ вопросовъ можно поставить безчисленное множество, но совершенно безцѣльно и безрезультатно." На только что выписанную доктринальную и нѣсколько самонадѣянную тираду, позволимъ себѣ замѣтить автору, что никто изъ русскихъ историковъ не пытался и не пытается порѣшать вопроса о характерѣ замысловъ верховниковъ одними *восклицаніями* (что позволяетъ себѣ впрочемъ до извѣстной степени развѣ самъ г. Корсаковъ, въ своей филиппикѣ въ защиту верховниковъ), что г. Корсакову болѣе нежели кому либо слѣдуетъ имѣть въ виду, что „историкъ не въ правѣ судить на основаніи общихъ и предвзятыхъ воззрѣній," что никто не доказываетъ олигархическихъ стремленій верховниковъ пресловутыми „предположеніями на основаніи неизвѣстнаго," а дѣйствительность таковыхъ стремленій выясняется историческою связью событія 1730 года съ явленіями предшествовавшей жизни русскаго государства и всѣми обстоятельствами воцаренія Анны Ивановны, и что вопросы, предположенные авторомъ въ концѣ этой тирады далеко не являются такими праздными и антиисторическими, какими считаетъ ихъ авторъ: что бы правильно и всесторонне оцѣнить и обсудить извѣстное исто-

рическое явленіе, что бы понять истинный историческій смыслъ его, необходимо слѣдуетъ задаться по отношенію къ нему именно вопросами, подобными тѣмъ, которые указаны авторомъ. Развивая далѣе мысль о „предположеніяхъ на основаніи неизвѣстнаго“, авторъ продолжаетъ: „Осуждать верховниковъ на основаніи такого предположенія странно по очень простой причинѣ: мы не знаемъ что̀ было бы, если бы верховники одержали побѣду. Но за то мы знаемъ, что самодержавіе Анны Іоанновны явилось не самодержавіемъ, а именно олигархіей, да еще вдобавокъ не національной, а иноземной“. И такъ г. Корсаковъ прибѣгаетъ къ тому же способу доказательства, который онъ только что призналъ ненаучнымъ, празднымъ и анти-историческимъ. Дѣйствительно, сущность довода г. Корсакова слѣдующая: „самодержавіе Анны Ивановны явилось иноземною олигархіею,—если бы верховники восторжествовали, *быть можетъ* было бы и лучше;“ не есть ли это тоже предположеніе на основаніи неизвѣстнаго? Нѣсколько строкъ ниже, говоря что Голицина укоряютъ въ томъ, что въ его проектѣ забыты крестьяне, г. Корсаковъ заявляетъ: „По нашему мнѣнію они не забыты.... Князь Голицинъ заботится о нихъ на первое время только съ финансово — государственной точки зрѣнія, хлопочетъ объ облегченіи имъ податей; но *что было бы дальше—мы не знаемъ*“; не есть ли это тоже предположеніе на основаніи неизвѣстнаго? И такъ, значитъ г. Корсаковъ осуждаетъ „предположенія на основаніи неизвѣстнаго“ только тогда, когда они становятся ко вреду его защиты; въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ видитъ для себя пользу отъ этого способа доказательства—онъ и самъ не гнушается пользоваться имъ.

Въ третьихъ, Д. А. Корсаковъ силится снять съ верховниковъ обвиненіе въ олигархическихъ тенденціяхъ *голословнымъ* заявленіемъ о томъ, что „дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта до 1730 года не даетъ намъ права заключить, что эта высшая россійская коллегія дѣйствовала исключительно олигархически.“ Такъ какъ авторъ не приводитъ никакихъ фактовъ въ подтвержденіе этого заявленія, то я считаю излишнимъ останавливаться на его разборѣ и противопоставлю ему лишь слѣдующія строки изъ сочиненія профес. Градовскаго: „Высшая администрація Россіи XVIII-го ст. и генералъ—прокуроры“: „Узурпируя власть сената, онъ (Верх. Тайный Совѣтъ) не могъ имѣть меньше, чѣмъ имѣлъ сенатъ,

а постарался взять больше въ томъ смыслѣ, что не допустилъ никакого посредника между собою и монархомъ. Оттого верховныя права, безопасныя въ рукахъ сената съ генералъ—прокуроромъ, явились разрушительнымъ элементомъ въ рукахъ верховнаго тайнаго совѣта, орудіемъ деспотизма при Меньшиковѣ и олигархіи при Долгорукихъ.... Верховный Тайный Совѣтъ хотѣлъ основать учрежденіе на одномъ личномъ началѣ и при томъ въ такомъ смыслѣ, что блескъ происхожденія и родовое значеніе замѣняли бы служебное достоинство и свободное избраніе монарха. Это была.... родовая аристократія, соединенная въ коллегію безъ ея организаціи. Отсюда былъ уже прямой переходъ къ олигархіи, противорѣчившій историческимъ преданіямъ страны и вызвавшій энергическій протестъ (см. стр. 136—146 книги проф. Градовскаго).

„Соображая всѣ мѣропріятія верховниковъ", Д. А. Корсаковъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно ихъ намѣреній: 1) они избрали Анну Іоанновну надѣясь, что она безусловно подчинится ихъ требованіямъ (это заключеніе такъ естественно, что можно бы его и не выставлять); 2) они желали въ ея царствованіе выработать прочныя основанія государственнаго устройства (полагаемъ, что всякое лице, вырабатывающее извѣстныя основанія, расчитываетъ на ихъ прочность,—и этимъ нисколько не защищаются верховники отъ обвиненія въ олигархическихъ стремленіяхъ,—если же г. Корсаковъ *отъ себя лично* признаетъ эти основанія прочными—онъ долженъ былъ доказать право ихъ на признаніе за ними такого качества); 3) „на первый разъ (?) они желали прибавить *себѣ* воли, считая себя, стоящихъ во главѣ государственнаго управленія, первыми людьми, съ которыхъ нужно начать." Наивные, право, люди были эти верховники: они, по словамъ г. Корсакова, *на первый разъ* хотѣли только *себѣ* прибавить воли, считая *себя* „первыми людьми",—а остальные элементы русскаго народа, не выключая и шляхетства, могутъ, дескать, пообождать до тѣхъ поръ, пока они, „первые люди," соблаговолятъ предоставить и имъ вкусить плода отъ сладкаго дерева свободы. Нельзя не сознаться, что наивна въ данномъ случаѣ и аргументація автора „Воцаренія импер. Анны Іоанновны." Авторъ, очевидно предполагаетъ, что впослѣдствіи верховники „прибавили бы воли" и другимъ сословіямъ; не указаетъ ли онъ

въ ней того же „предположенія на основаніи неизвѣстнаго“, противъ котораго такъ ополчается выше? Покончивъ съ объясненіями сущности стремленій верховниковъ, Д. А. Корсаковъ принимается за объясненіе сущности стремленій шляхетства. Здѣсь онъ рѣшаетъ весь вопросъ всего въ двѣнадцати строчкахъ. Шляхетство было „солидарно съ цѣлями верховниковъ по первымъ двумъ вопросамъ“— т. е. также надѣялось на безусловное подчиненіе императрицы предъявленнымъ ей требованіямъ (такъ ли это, многоуважаемый авторъ?) и надѣялось въ ея царствованіе выроботать прочныя основанія государственнаго устройство (можно ли приписать такую надежду и желаніе шляхетству 1730 года *вообще?*),—но разошлось съ верховниками по существу относительно третьяго вопроса: шляхетство требовало „*и себѣ воли*,“ шляхетство очевидно не очень то полагалось на обѣщанія верховниковъ *современемъ* подумать и объ немъ —и въ этомъ конечно нѣтъ ничего удивительнаго.

Наконецъ Д. А. Корсаковъ, заявивъ, что обвинять шляхетство въ сословномъ эгоизмѣ (а стремленіе шляхетства олицетворять въ себѣ „всенародіе“?) и своекорыстіи „*столь же странно*, какъ обвинять верховниковъ въ олигархіи“, высказываетъ по этому поводу уже болѣе нежели *странную* мысль: „исторія не знаетъ виноватыхъ“—хотя самъ же г. Корсаковъ, въ своихъ предшествовавшихъ главахъ, и, въ особенности, въ своихъ „характеристикахъ“ - неусыпно выискиваетъ виновныхъ и привлекаетъ ихъ къ суду исторіи.

3. Приступая къ разрѣшенію вопроса о причинахъ неуспѣшности замысловъ верховниковъ и шляхетства, Д. А. Корсаковъ заявляетъ, что *прежде* вопросъ этотъ рѣшался „очень просто“, а именно: „шляхетство, возмущенное олигархіей верховниковъ (было бы правильнѣе сказать—стремленіемъ къ олигархіи), просило Анну Іоанновну принять самодержавную власть.“ *Теперь*, послѣ появленія въ свѣтъ „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“—весь вопросъ получаетъ, значитъ, совершенно новую окраску. Посмотримъ же, каково это, уже болѣе „не простое“, разрѣшеніе вопроса (замѣтимъ кстати, что *прежнее* воззрѣніе сформулировано авторомъ и въ самомъ дѣлѣ уже через чуръ „просто“). По мнѣнію г. Корсакова не шляхетство, поднесшее Аннѣ Ивановнѣ самодержавіе, сокрушило и уничтожило замыслы верховниковъ,—не уничтожили ихъ ни Остерманъ, ни Ѳеофанъ Прокоповичъ,

ни Ягужинскій,- а „подготовили они паденіе своему дѣлу, главнымъ образомъ, сами" (такимъ образомъ верховники уподобляются теперь Гоголевской унтеръ-офицершѣ, которая сама себя высѣкла). Какъ же подготовили верховники свое паденіе? А вотъ какъ: князь Д. М. Голицынъ „слишкомъ вознмнилъ о себѣ," „хотѣлъ дѣйствовать одинъ за всѣхъ и всѣхъ подчинить своей власти," „считалъ своихъ противниковъ за толпу, которой онъ можетъ руководить и помыкать по произволу," „презрительно относился къ своимъ товарищамъ—верховникамъ," а тѣ „не желали ему подчиняться" и т. д. Да развѣ въ этой характеристикѣ не сквозитъ стремленіе къ олигархіи, при которомъ даже сами верховники, еще не заполучивъ власти въ свои руки, уже препираются между собою, напоминая бояръ эпохи малолѣтства Іоанна IV-го? Какъ ни старается авторъ натянуть *новое* рѣшеніе вопроса, онъ долженъ припомнить то, что сказано имъ всего нѣсколькими строками выше, именно, что шляхетство, видя что верховники прибавляютъ воли *только себѣ*—возстали противъ нихъ, желая и себѣ такой же воли; верховники стали упорствовать—и шляхетство, участвовавшее въ событіяхъ 1730-го года, избрало изъ двухъ золъ меньшее и поднесло Аннѣ Ивановнѣ полное самодержавіе. Такимъ образомъ все таки оказывается, что замыслы верховниковъ уничтожило *именно* шляхетство, а неумѣлость и бестактность верховниковъ только помогли послѣднему сокрушить эти замыслы—мысль извѣстная въ литературѣ и до появленія въ свѣтъ книги Д. А. Корсакова, и г. Корсакову слѣдуетъ взять обратно самонадѣянное заявленіе о *прежнемъ простомъ* и *теперешнемъ не простомъ* рѣшеніи вопроса.

Что касается вопроса о причинахъ неуспѣшности замысловъ шляхетства—то Д. А. Корсаковъ видитъ ихъ, во первыхъ, въ отсутствіи у шляхетства „вождей, которые могли бы, воодушевясь общимъ интересомъ, подчинить себѣ большинство шляхетства," а въ вовторыхъ, во внутренней разобщенности шляхетства, въ неумѣньи его дѣйствовать сообща. Доказывая эти положенія, г. Корсаковъ заявляетъ объ отсутствіи характера и убѣжденій у огромнаго большинства дѣятелей шляхетства, характеристики которыхъ, неизвѣстно для чего, заняли 50 страницъ книги автора (см. VII-ую главу), приводитъ и свидѣтельство юродиваго Тихона Архипыча о томъ, что „русскіе другъ друга ѣдятъ и съ того сыты бываютъ...

ютъ", и соображенія о „всегдашнемъ россійскомъ качествѣ дѣйствовать *на авось*" и т. п., —и всѣмъ этимъ думаетъ объяснить тотъ неожиданный вольтъ, ту „перемѣну мыслей у большинства шляхетства", вслѣдствіе которой шляхетство, забывъ всѣ свои проекты и мнѣнія, поднесло Аннѣ Ивановнѣ полное самодержавіе. Что касается нашихъ собственныхъ воззрѣній на значеніе шляхетскаго движенія и на причину „перемѣны мыслей у большинства шляхетства"—они были высказаны нами при разборѣ введенія къ книгѣ Д. А. Корсакова. Вникая глубже въ характеръ и историческія условія жизни русскаго народа (понимая это послѣднее слово конечно шире понятія шляхетскаго „всенародія") можно было бы указать и другія, еще болѣе существенныя, причины неудачи замысловъ верховниковъ и нѣкоторыхъ изъ коноводовъ шляхетскаго движенія 1730 года — но подобнаго рода соображенія повлекли бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы настоящей статьи.

4. Вопросу о результатахъ неудачи замысловъ верховниковъ и о послѣдствіяхъ провозглашенія самодержавія Анны Ивановны—посвящены Д. А. Корсаковымъ пять послѣднихъ страницъ его труда. Мы не остановимся на разсмотрѣніи этой части книги г. Корсакова, такъ какъ она не заключаетъ въ себѣ ничего ни новаго, ни самостоятельнаго, и составлена на основаніи предшествовавшихъ трудовъ по вопросу о воцареніи Анны Ивановны и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ XIX-го тома „Исторіи Россіи" покойнаго С. М. Соловьева.

Заканчивая разсмотрѣніе историческаго труда Д. А. Корсакова, позволимъ и мы себѣ сдѣлать небольшое общее заключеніе относительно достоинствъ и недостатковъ его. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что авторъ имѣлъ подъ руками богатыя пособія для изслѣдованія избраннаго имъ вопроса и пользовался въ этомъ отношеніи тѣмъ преимуществомъ передъ своими предшественниками, что ему открытъ былъ доступъ въ Государственный Архивъ, гдѣ хранятся важнѣйшіе матеріалы, касающіеся событія 1730-года и гдѣ до автора работалъ надъ изслѣдованіемъ того же вопроса только покойный профессоръ С. М. Соловьевъ. Не вина конечно Д. А. Корсакова, что послѣ трудолюбиваго и высоко—талантливаго ис-

торіографа—ему не удалось извлечь изъ этого архива ничего существеннаго для новаго освѣщенія вопроса о воцареніи Анны Ивановны. Но за то заслуга Д. А. Корсакова должна быть несомнѣнно признана въ тщательномъ пересмотрѣ и критической оцѣнкѣ всего матеріала, касающагося изслѣдуемаго имъ вопроса, въ обстоятельномъ обслѣдованіи шляхетскихъ проектовъ и въ напечатаніи въ приложеніяхъ къ своему труду двухъ неизвѣстныхъ досelѣ шляхетскихъ проектовъ, и, въ особенности, въ напечатаніи въ тѣхъ же приложеніяхъ извлеченій изъ неизданныхъ депешъ датскаго посла Вестфалена.

Именно въ виду невозможности поставить изслѣдованіе избраннаго имъ вопроса на новыхъ основаніяхъ—автору слѣдовало бы обратить главное вниманіе свое не на фактическое изложеніе самого событія 1730-го года, а на историческое освѣщеніе его, которое оставляло желать весьма многаго въ трудахъ предшественниковъ автора. Но мы уже видѣли, что Д. А. Корсаковъ не только не ступилъ въ этомъ отношеніи шага впередъ въ сравненіи съ своими предшественниками, но, напротивъ, представляетъ въ своемъ изслѣдованіи значительный регрессъ передъ этими послѣдними.

Далѣе мы видѣли, что сочиненіе Д. А. Корсакова весьма мало выдерживаетъ критики въ тѣхъ частяхъ своихъ, въ которыхъ авторъ стремится дѣлать собственные выводы изъ изслѣдуемыхъ имъ фактовъ, гдѣ онъ стремится высказать свой собственный взглядъ на значеніе тѣхъ или другихъ факторовъ, дѣйствовавшихъ въ развитіи изслѣдуемыхъ имъ событій. Неопредѣленность и шаткость воззрѣній автора доходятъ въ этомъ отношеніи до чрезвычайности—и невольно ставятъ рецензента въ величайшее затрудненіе: положительно не сообразишь, какихъ же взглядовъ держится авторъ? Въ одномъ мѣстѣ скажетъ онъ, что люди родословные идеализировали московскіе, до—Петровскіе порядки, что они желали возстановленія правъ московскаго боярства,—въ другомъ мѣстѣ станетъ говорить, что они идеализировали западно-европейскіе порядки и стремились къ ихъ установленію въ Россіи; въ одномъ мѣстѣ авторъ упорно отрицаетъ у верховниковъ олигархическія стремленія,—въ другомъ мѣстѣ признаетъ у нихъ желаніе дать преобладаніе власти нѣсколькимъ знатнѣйшимъ фамиліямъ, приписываетъ имъ властолюбіе, желаніе по произволу помыкать другими сословія-

ми, деспотизмъ и даже тиранію; въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что шляхетство руководилось стаднымъ началомъ, что невозможно вести рѣчь объ его политическихъ умоначертаніяхъ,—въ другомъ мѣстѣ говоритъ о политическихъ кружкахъ и убѣжденіяхъ шляхетства, выразившихся въ его проектахъ и о сознаніи имъ необходимости расширенія круга государственныхъ реформъ и т. д. Слѣдуетъ отмѣтить далѣе отсутствіе руководящей идеи въ изслѣдованіи Д. А. Корсакова, вслѣдствіе чего онъ безпорядочно бросается отъ одного вопроса, отъ одного явленія, къ другому, начинаетъ говорить объ одномъ и затѣмъ поспѣшно хватается за второе, - недокончивъ втораго, обращается опять къ первому и т. д., благодаря чему въ книгѣ масса повтореній и раскиданіе по различнымъ главамъ книги матеріала, который долженъ былъ бы быть разсматриваемъ и оцѣняемъ во всей своей полнотѣ, въ полной, стройной, наличности своей. Всѣ эти недостатки, разсматриваемые въ связи съ значительною самонадѣянностью, небрежностью и спѣшностью работы—придаютъ книгѣ г. Корсакова характеръ какой то исторической хрестоматіи, какого то собранія историческихъ фактовъ, выписокъ изъ протоколовъ В. Т. Совѣта, записокъ современниковъ, депешъ иностранныхъ пословъ и различныхъ оффиціальныхъ актовъ—расположенныхъ по главамъ и на-скоро связанныхъ на живую нитку. Прочитавъ книгу Д. А. Корсакова, читатель вынесетъ вслѣдствіе всего этого менѣе цѣлостное впечатлѣніе, нежели изъ прочтенія третьей главы XIX-го тома „Исторіи Россіи“ проф. Соловьева.

Еще нѣсколько словъ о самомъ пріемѣ Д. А. Корсакова писать историческія изслѣдованія. Всякій изслѣдователь, имѣющій уваженіе къ литературѣ и къ трудамъ своихъ сотоварищей по наукѣ—нравственно обязанъ отграничить въ своемъ трудѣ тѣ стороны вопроса, которыя самостоятельно разработаны имъ самимъ, отъ тѣхъ вопросовъ, которые разработаны его предшественниками и выводы изъ которыхъ всецѣло заимствованы у послѣднихъ. Авторъ „Воцаренія импер. Анны Іоанновны“ считаетъ это совершенно излишнимъ. Онъ пользуется трудами предшественниковъ своихъ, усвоиваетъ ихъ выводы, ихъ мысли—и ни единымъ словамъ, ни единою цитатою, не указываетъ источника высказываемыхъ имъ воззрѣній, не заботится нисколько о выясненіи того, что сдѣлано въ изслѣдованіи вопроса о воцареніи Анны Ива-

новины его предшественниками и *что* принадлежитъ въ этомъ отношеніи *ему лично*. Несвѣдущій читатель, предупрежденный о томъ, что авторъ работалъ въ столичныхъ архивахъ и даже въ трудно-доступномъ Государственномъ Архивѣ, легко можетъ быть введенъ въ заблужденіе, вообразивъ, что все описываемое авторомъ впервые извлекается имъ на свѣтъ Божій, что г. Корсаковъ открылъ Калифорнію въ русской исторической наукѣ.

Въ предисловіи къ своей книгѣ, Д. А. Корсаковъ заявляетъ, что видя *„вполнѣ ясно* недостатки и промахи своего труда (повторимъ автору вопросъ, уже поставленный однимъ изъ его рецензентовъ: если авторъ *вполнѣ ясно* сознавалъ недостатки и промахи своего труда, зачѣмъ же не исправилъ онъ ихъ своевременно?) и, совершенно отстраняя отъ себя личное самолюбіе, искренно желаетъ лишь одного: *строгаго и безпристрастнаго суда ученой и литературной критики*."

Да не посѣтуетъ же на насъ уважаемый авторъ за сдѣланный разборъ его труда. Авторъ имѣлъ всѣ данныя для блистательнаго выполненія предпринятаго имъ труда: и несомнѣнную талантливость, вполнѣ выразившуюся въ его магистерской диссертаціи (которую мы предпочли бы видѣть докторскою, вмѣсто „Воцаренія импер. Анны Іоанновны"), и возможность доступа во всѣ столичные архивы и библіотеки, и указанія и совѣты многихъ русскихъ ученыхъ, и большое количество времени въ своемъ распоряженіи: а кому много дано, съ того много и спросится.

ОПЕЧАТКИ

КЪ БРОШЮРѢ:

„Верховники и шляхетство 1730-го года“.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
2	13	Явленіе небывалое на Руси со времени великой княгини Ольги:	Явленіе, до XVIII-го вѣка небывалое на Руси со времени великой княгини Ольги:
3—4	—	верахозниковъ	верховниковъ
18	15	шляхти чемъ	шляхтичемъ
20	4	упоначертаній	упоначертаній
22	11	герантій .	гарантій
24	7	упоначертаніе;	упоначертаніе,
25	3	шляхоствомъ	шляхетствомъ
26	26	походовъ времяо	походовъ времени,
27	28—29	сравнительно съ шляхет- ство	сравнительно съ шля- хетствомъ
—	30	представляется	предоставляется
30	3	раньще	раньше
—	6	слѣдовательна	слѣдовательно
31	2	руокими	русскими
35	7	дьяки.	дьяки).
36	14	завѣтныхъ планахъ	завѣтнымъ планамъ
43	10	переданыхъ	переданныхъ
58	5	сравнительно,	сравнительно
—	40	столылоя	отсылая
59	3	либа	либо
60	20	первой половинѣ	первой половины
67	14	малолѣтсти	малолѣтства